

А.Н.Масловский

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ АЗАКЕ. КРАТКИЙ ОЧЕРК

Красноглиняная поливная керамика на золотоордынских памятниках является массовым материалом. Казалось бы, такие объемы находок должны были породить вал публикаций и аналитических работ. Между тем, в реальности число статей, посвященных керамике золотоордынских памятников, намного меньше, чем, например, нумизматических работ. При этом внимание исследователей, как правило, привлекают яркие импорты с территории Китая, Византии, Ирана или кашинная керамика. Красноглиняной же поливной керамике, произведенной на территории Золотой Орды, посвящено совсем небольшое число специальных работ, и в них продукция различных центров рассматривается в целом.

Несмотря на очень большие масштабы раскопок Азака и огромное количество находок, ни одной значительной по объему работы, которая была бы посвящена поливной керамике местного производства, нет. Цель данной работы – попытаться заполнить этот пробел, для чего опубликовать значительную по объему подборку изделий местных мастеров, а также дать классификацию форм и орнаментов, наиболее характерных для гончарного производства золотоордынского Азака.

Первой печатной работой, в которой специально рассматривалась поливная керамика Азака, являлись тезисы доклада В.А.Ларенок (1986, с.29-30). Несмотря на небольшой объем тезисов, в них допущен ряд серьезных ошибок. Например, по мнению В.А.Ларенок, в местной поливной керамике присутствует шамот. Зато автор не упомянула шамот в составе формовочной массы крымской поливной керамики (Ларенок В.А., 1986, с.29). Керамика местного производства разделена ею на 3 подгруппы. Первые две из них вообще не могут быть однозначно опознаны в настоящее

время. Третья является византийской кухонной посудой (Масловский А.Н., 2006б, с.401-403). Работа в целом неудачна, к тому же ее тезисность мешает понять, по каким критериям было осуществлено определение местной керамики.

Традиционно поливная керамика классифицируется в соответствии с составом глазури, цветом поливы, техникой и стилистикой орнаментации (Якобсон А.Л., 1950, с.171-229, табл.I-XL; 1979, с.119-147; Булатов Н.М., 1976, с.73; Романчук А.И., 2003; Коваль В.Ю., 2010, с.38-149). Подобные классификации, по нашему мнению, являются недостаточными, поскольку в них опущен один классификационный уровень, а именно, керамика никак не соотносится с конкретными производственными центрами. Это приводит к ряду неразрешимых проблем. Во-первых, проблематично проведение достаточного числа естественнонаучных анализов для построения достоверной классификации и, главное, для её дальнейшего использования. Определение же состава глазури “на глаз” дискредитирует саму идею такой классификации. Во-вторых, в такой классификации рассматривается совокупно продукция неопределенного числа гончарных центров. Ведь заранее ясно, что число рецептов состава глазури и тем более количество техник орнаментации намного меньше, чем производственных центров. В-третьих, прежде чем рассматривать технику и стилистику орнаментации, необходимо все же разделить весь массив на продукцию отдельных гончарных центров. Ведь оставляется без внимания тот факт, что перед нами генетически разнородный материал. Это нелогично. Никто же, например, при классификации предметов торевтики не соединяет в один таксон италийские и сасанидские бронзы на основании единства технологических приемов. В-чет-

вертых, выделение основных таксонов по технике орнаментации вполне предсказуемо приводит к тому, что черепки от одного сосуда попадают в разные ячейки классификации.

Во главу угла при классификации керамики должно стать именно выделение продукции конкретных производственных центров. При предварительном анализе недопустимо расчленение единого массива керамических находок на поливную и неполивную керамику и построение для них отдельных классификаций, основанных на различных классификационных принципах. В своей диссертации и последующих работах И.В.Волков предложил схему классификации керамики с четырьмя уровнями таксонов (Волков И.В., 1992; 2005, с.131-138). На первом уровне керамика разделяется на продукцию отдельных производственных центров по принципу генетического родства. Продукция одного или нескольких близкородственных центров объединяется в группы. На втором уровне классификации продукция одного центра разделяется на отделы по признаку техники обработки поверхности (лощенная, ангобированная, поливная с орнаментом сграффито и др.). На третьем уровне сосуды объединяются в виды по признаку их функционального назначения. В типы объединялись находки с общим устойчивым набором технологических и морфологических признаков и размеров. Поскольку работа по выделению типов далека от завершения, в качестве рабочего предположения было принято выделять в отдельные типы сосуды с различием размеров в 5 см и более. Эта величина была выбрана, исходя из того, что гончар в своей работе в качестве мерной единицы, вероятнее всего, должен был использовать единицу, аналогичную вершку, т.е. несколько менее 5 см.

И.В.Волковым были выделены две группы мастеров Азака разного происхождения, работавших в разных технологических традициях. Было выделено также большинство групп наиболее многочисленных импортов, отмеченных в материалах Азака, и предложена локализация мест их производства.

В данной статье используется схема классификации И.В.Волкова. Добавлен пятый, самый нижний, уровень классификации – серия, в которую объединены сосуды сход-

ного функционального назначения с одинаковой орнаментальной композицией. Помимо диссертации И.В.Волкова, красноглиняной поливной керамике местного производства посвящен краткий очерк В.И.Перевозчикова (1998, с.160-165). Работа настолько изобилует ошибками, что её использование в научном исследовании проблематично. Примерно 1/3 всех приведенных в иллюстрациях к данной работе изделий – импорты (Перевозчиков В.И., 1998, рис.1, 6, 7, 10, 11; 2, 9, 11; 3, 3). Нет достоверных находок, упоминаемых В.И.Перевозчиковым, таких как: поливные гульбаданы местного производства, сфероконусы, жаровни (Перевозчиков В.И., 1998, с.160, 164). Сомнительна используемая терминология: хумча, пиала, бадия (критику см.: Волков И.В., 2004а, с.303-307, 309-312, 317-319) и приводимые статистические подсчеты.

Полivной керамике местного производства посвящены разделы в работах, рассматривающих керамический комплекс золотоордынского Азака в целом (Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998, с.202-209, рис.8-10; Масловский А.Н., 2006б, с.345-352, рис.14, 8-23; 15-17). Данные работы не лишены недостатков. Некоторые из образцов отнесены к местной продукции, вероятно, ошибочно (Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998, рис.9, 3, б). В большом количестве статей опубликованы отдельные сосуды или небольшие их подборки. (Гудименко И.В., 1994б, с.65, рис.1, 3; 1994а, рис.1, 6; 2001, рис.3, 1, 2; Масловский А.Н., 2002б, с.216, рис.1, 5; 2004б, рис.3, 2; 2004а, рис.3, 5; 4, 4; 2006а, рис.5, 6; 2008, рис.2, 5; 5, 3; 2010, рис.3, 2; 10, 2; 13, 1; 15, 7; 28, 1-2; 32, 3-5; 34, 4; 37, 3; 38, 3-4; 39, 3; Белинский А.Н., Масловский А.Н., 2001, с.44, рис.1, 11; 2, 6; 2007, с.329, рис.9-10; Дмитриенко М.В., 2006, рис.3, 2; 6, 2; 7, 3; 2008, рис.6, 3; 2010, рис.3, 2; Широченко Э.Б., 2010, рис.1, 8; 2, 2).

Есть также ряд работ о гончарном производстве Азака. Среди них публикации, посвященные материалам четырех конкретных мастерских (рис.1) (Галкин Л.Л., 1975; Перевозчиков В.И., 1990; 1993, с.186-218; Гудименко И.В. и др., 2001). Материалы еще одной мастерской несколько раз были опубликованы тезисно (Гудименко И.В., Перевозчиков В.И., 1989, с.15-16; Перевозчиков

В.И., 1989, с.75-77). Последняя мастерская особенно интересна, поскольку исследована наиболее полно среди мастерских гончаров 2 группы. Данные работы, к сожалению, помимо тезисности, содержат ряд недоказанных утверждений. Мнение, что перед нами керамика, загруженная в печь, в дальнейшем ещё раз повторенное (Перевозчиков В.И., 2001а, с.319), противоречит отчетной документации (Перевозчиков В.И., 1988, с.166-177, рис.197-202). Исследователи уже давно говорили об осторожности при анализе материалов, найденных в гончарных мастерских, с целью определения номенклатуры выпускаемых ими изделий (Лунина С.Б., 1978, с.130,133-134), поскольку в любом случае среди гончарных браков будет значительное число случайного мусора.

Особенно неудачна публикация мастерской, исследованной в котловане под Домом быта "Юбилейный". Значительная часть представленного в статье материала вовсе не связана с продукцией найденной здесь гончарной мастерской, а относится к обычной мусорной засыпи (Перевозчиков В.И., 1993 рис.3, 1-7; 4, 5, 6, 1, 2, 9-39; 7, 13, 14 и др.). Вместе с тем в статье не представлены, например, несколько десятков идентичных афтоб, имеющих в коллекции, возможно, потому, что автор статьи считал отсутствие стандартизации отличительной особенностью гончарного производства Азака. Хотя В.И.Перевозчиков и замечал различие формовочной массы двух групп мастеров (Перевозчиков В.И., 1993, с.218-219), он в угоду своей концепции пренебрег этим при построении классификации и включил в описание даже заведомо известные импорты. В целом, ни одна из публикаций материалов гончарных мастерских Азака, за исключением (отчасти) последней по времени, не может считаться удачной. Необходимы перепубликации ранее опубликованных материалов гончарных мастерских и введение в научный оборот еще нескольких гончарных комплексов.

Итогом ряда публикаций В.И.Перевозчикова стала статья (Перевозчиков В.И., 2001а), в которой подробно описано становление взглядов автора, в том числе и на поливную керамику Азака. Специально рассматривался вопрос о топографии гончарного

ремесла в Азаке (Перевозчиков В.И., 2001б). Особо следует сказать о диссертационной работе В.И.Перевозчикова (2006). Написанная на весьма низком методологическом уровне, эта работа не может служить источником информации для исследователей, желающих ознакомиться с гончарным производством Азака. В ней автор разделяет поливную керамику Азака на две группы (Перевозчиков В.И., 2006, с.15-18). Хотя по реферату сложно судить обо всей работе, но даже в малом объеме текста автор выдвигает ряд очень спорных тезисов. Например, утверждается, что в состав черепка входит порядка 50% песка (Перевозчиков В.И., 2006, с.11). Между тем, даже в лабораторных условиях сложно изготовить формовочную массу со столь высокой примесью песка. Работы В.И.Перевозчикова вызвали ряд критических статей, оставшихся без ответа (Масловский А.Н., 2002а; Волков И.В., 2004а; 2006).

Картографирование находок, связанных с гончарами 2 группы, показывает, что они, как и гончары 1 группы, не сосредоточивались в одном районе и не образовывали определенных кварталов (Перевозчиков В.И., 2001б, с.101). Тем не менее, очевидно, что наибольшая концентрация следов производства поливной керамики отмечена в районе вдоль современной улицы Чехова (рис.1). На настоящий момент гончарное производство Азака изучено в достаточной степени, чтобы локализовать местоположение ряда мастерских по производству поливной керамики. При этом я исхожу из того, что единичные находки печного припаса (сепав) или обломков полуфабрикатов могут быть сделаны на значительном удалении от мест производства. На Царевском городище остатки печного припаса встречены повсеместно, и говорить на основании единичных находок о гончарном производстве в том или ином месте нельзя (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, с.98).

Помимо двух опубликованных мастерских на ул.Газеты Известий (Васильева), 57 (мастерская № 1) и на ул.Чехова (дом быта "Юбилейный") (мастерская № 2), следует добавить следующие пункты, которые выделяются по местам концентрации находок, связанных с гончарным производством, в том числе крупных фрагментов полуфабрикатов поливных

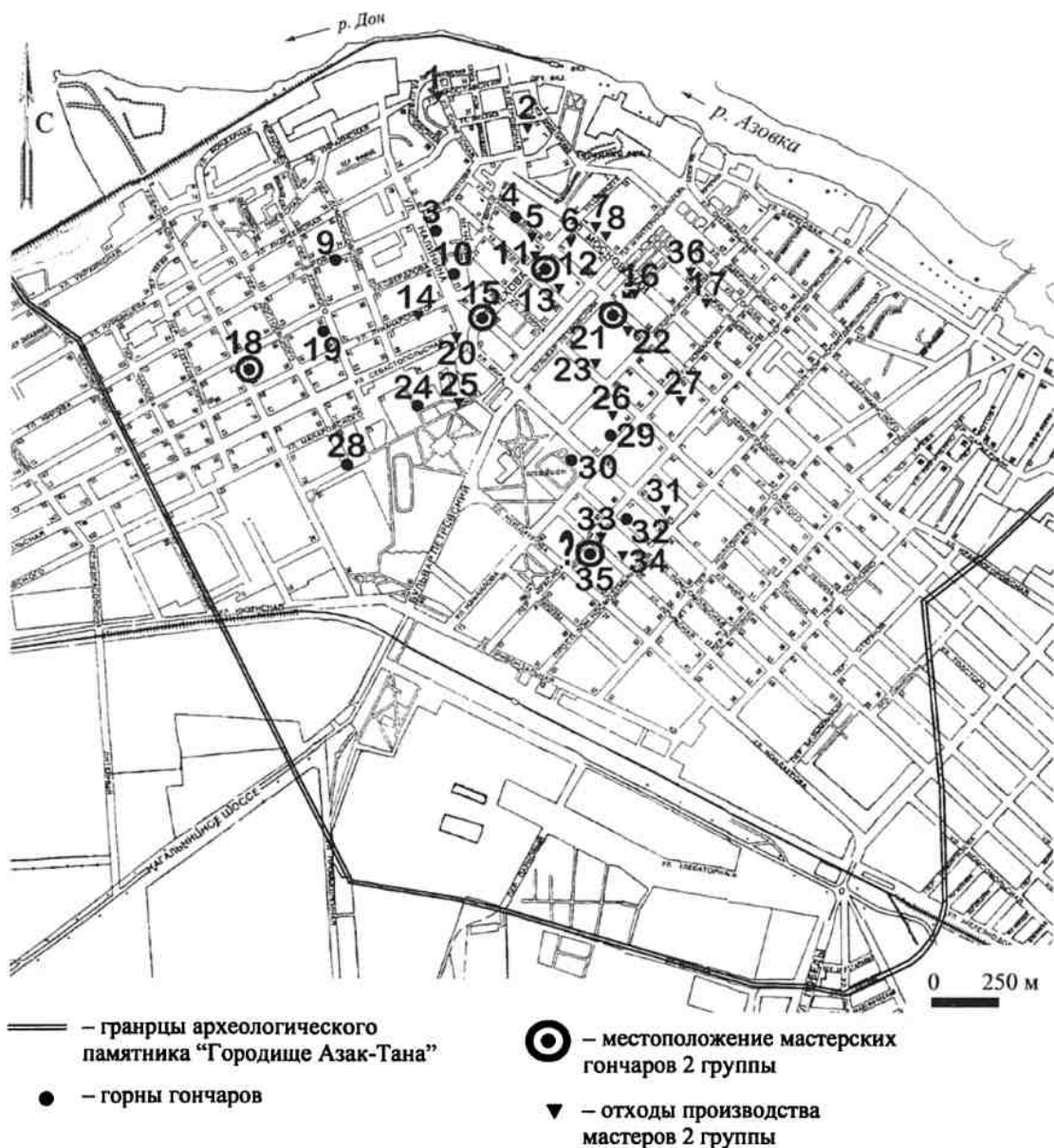

Рис.1. План Азака. Топография гончарного ремесла: 1 – ул.Ярославская (1962); 2 – ул.Энгельса, 15 (1998); 3 – ул.Калинина, 51 (1961); 4 – ул.Ленинградская (1992); 5 – ул.Ленинградская, 32 (2002); 6 – ул.Чехова, 3 (1997); 7 – траншея у к/м "Родина" (1977); 8 – ул.Московская, 7 (1995); 9 – ул.Кирова (1978); 10 – ул.Калинина, 73 (2004); 11 – траншея на ул.Чехова (1989); 12 – ул.Чехова (1976); 13 – ул.Толстого, 41 (2000-2003); 14 – ул.Луначарского (1986); 15 – ул.Чехова (1975); 16 – Азовский краеведческий музей, Р-V; 17 – ул.К.Либкнехта (1985); 18 – ул.Газеты "Известия" (1988); 19 – ул.Урицкого, 40 (2003); 20 – ул.Севастопольская (1978); 21 – ул.Ленинградская (1982); 22 – ул.Ленинградская, 62 (1984); 23 – ул.Ленина, 33/43 (1980); 24 – ул.Макаровского (1971); 25 – ул.Макаровского, 15 (1993); 26 – пер. Социалистический, 61А (2006); 27 – ул.Толстого (1987); 28 – ул.Макаровского (1983); 29 – ул.Измайлова, 38 (2000); 30 – Стадион (1973); 31 – ул.Мира, 45А (2008); 32 – ул.Комсомольская (1989); 33 – пер.Красноармейский, 95 (2007); 34 – ул.Крымская, 7 (2006); 35 – угол пер. Красноармейского и ул.Крымской; 36 – ул.К.Либкнехта, 13 (2009).

Fig. 1. The layout of Azak. The topography of the potter craft: 1 – Yaroslavskaiia street (1962); 2 – Engelsa street, 15 (1998); 3 – Kalinina street, 51 (1961); 4 – Leningradskaiia street (1992); 5 – Leningradskaiia street, 32 (2002); 6 – Chekhova street, 3 (1997); 7 – a trench near “Rodina” cinema (1977); 8 – Moskovskaia street, 7 (1995); 9 – Kirova street (1978); 10 – Kalinina street, 73 (2004); 11 – a trench on Chekhova street (1989); 12 – Chekhova street (1976); 13 – Tolstogo street, 41 (2000-2003); 14 – Lunacharskogo street (1986); 15 – Chekhova street (1975); 16 – the Azov Museum of Local History, P-V; 17 – K.Libknekhta street (1985); 18 – Gazety “Izvestiya” street (1988); 19 – Uritskogo street, 40 (2003); 20 – Sevastopolskaia street (1978); 21 – Leningradskaiia street (1982); 22 – Leningradskaiia street, 62 (1984); 23 – Lenina street, 33/43 (1980); 24 – Makarovskogo street (1971); 25 – Makarovskogo street, 15 (1993); 26 – Sotsialisticheskii lane, 61A (2006); 27 – Tolstogo street (1987); 28 – Makarovskogo street (1983); 29 – Izmaylova street, 38 (2000); 30 – Stadium (1973); 31 – Mira street, 45A (2008); 32 – Komsomolskaia street (1989); 33 – Krasnoarmeiskii lane, 95 (2007); 34 – Krymskaia street, 7 (2006); 35 – a corner of Krasnoarmeiskii lane and Krymskaia street; 36 – K.Libknekhta street, 13 (2009)

сосудов. Мастерская № 3 находилась у дома № 62 по ул. Ленинградской (рис.1). Здесь была найдена яма с огромным количеством брака и гончарный горн. Мастерская № 4 – у пересечения улиц Чехова и Толстого. Мастерская № 5 – поблизости от перекрестка ул.Крымской и пер.Красноармейский. Ещё 2-3 мастерских располагались к северо-востоку и северо-западу от мастерской № 4, неподалеку от трассы ул.Чехова. Возможно, ещё одна мастерская располагалась в северо-западной приречной части городища. Косвенные подсчеты позволяют предполагать, что одновременно в Азаке работало не более десятка мастерских 2-й группы. Таким образом, в нашем распоряжении, по всей видимости, вполне репрезентативная выборка мастерских.

Мы оставляем без подробного рассмотрения вопрос об организации гончарного ремесла в Азаке, относительно которого был высказан целый ряд предположений (Перевозчиков В.И., 2001б, с.101; 2006, с.21-22). Здесь пока не обнаружены крупные производственные комплексы, такие как на Селитренном городище (Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989) и, вероятно, они уже не будут встречены. Отмечу только, что, по моему мнению, мы имеем дело с индивидуальными мастерскими.

При анализе технологии производства поливной керамики особое внимание следует уделять особенностям изготовления поддонов. Именно этот технологический момент можно признать субстратным (Волков И.В., 2005, с.135; 2007, с.33-34). Рассматривая по этому критерию готовые изделия и полуфабрикаты,

можно констатировать, что 2 группа гончаров Азака генетически не однородна. Большинство мастеров изготавливали поддоны, приклеивая ко дну готовую заготовку в виде кольца. Это фиксируется по трещинам или наплывам у основания поддона (рис.24, 2, 6). Очень часто поддон отслаивается по местам спая (рис.24, 5). Внутренняя полость поддона хорошо заглажена и лишена следов вырезания (рис.23, 1-3, 6). Однако мастера, работавшие в мастерской № 4, вырезали внутреннюю полость поддона (рис.23, 4, 5). Отчетливо фиксируются следы ножа. В центре полости находится конический выступ различных размеров. На отдельных поддонах мастерской № 1 также фиксируются следы вырезания внутренней полости поддона. Приклеенные поддоны в дальнейшем также возможно будет разделить по особенностям профилировки на продукцию отдельных мастерских.

Для всей продукции гончаров 2 группы золотоордынского Азака характерны следующие признаки:

1. Сосуды изготовлены путем вытягивания из комка глины (РФК-6-7 – развитие функций гончарного круга (Бобринский А.А., 1978, с.27, 55-64)). На придонной части поливных чаш иногда встречаются следы подрезания ножом (рис.24, 1). Плоскодонные сосуды, как правило, срезаны с круга нитью, много реже фиксируется подрезание плоскости дна ножом, как исключение использовалась подсыпка.

2. Для формовочной массы взята природная глина без искусственных добавок. Многократно повторенное утверждение об отму-

чивании глины для производства поливной керамики (Булатов Н.М., 1976, с.74) является недоразумением.

3. Естественные примеси представлены небольшим количеством мелкого песка, округлыми известковыми включениями разного размера: от мельчайших до частиц размером в поперечнике 3-4 мм. Их наличие и концентрация нестабильны. Иногда фиксируются следы выгоревших растительных волокон. Однако их концентрация не позволяет считать их искусственной примесью.

4. Обжиг всегда сквозной. Его цветность неустойчива, но преобладающее количество образцов красно-коричневого (поливные сосуды) или бежево-коричневого (неполивные) цвета. Поверхность поливных сосудов часто имеет более темный, вплоть до черного, цвет (рис.23, 4; 24, 3, 5, 6). Эта особенность помогает отличать ее от близкородственной нижеволжской продукции. С этим согласились и другие исследователи (Волков И.В., 2007, с.36). Часто в изломе придонной части поливных чаш фиксируется прослойка бордового цвета (рис.24, 5).

5. Для неполивных сосудов, как правило, не использовались ни ангоб, ни лощение. Мастера мастерской № 1 применяли для части изделий полосчатое лощение по черепку. Известны единичные изделия с красным ангобом.

Если не брать при расчетах остатки бракованных изделий из мастерских № 1 и 3, неполивные сосуды составляют небольшую долю изделий мастеров 2 группы.

6. Цвет глазури на сосудах закрытых формах почти исключительно темно-зеленый (рис.25), на открытых он тоже преобладает. Преобладание зеленого цвета характерно для поливной керамики Нижнего Поволжья (Булатов Н.М., 1976, с.81).

Цель данной статьи – дать краткий обзор именно поливной части ассортимента данной группы, прежде всего, чаш, и представить выборку из наиболее характерных для Азака изделий.

Поливная керамика местного производства Азака представлена следующими отделами:

1. Сосуды, глазурованные по черепку без ангоба и орнамента;

2. Сосуды, глазурованные по ангобу без орнамента;

3. Сосуды с подглазурной росписью ангобом;

4. Сосуды с орнаментом в технике сграффито. Иногда сграффито включает элементы с выскабливанием фона (“резерв”);

5. Сосуды с расцветкой пятнами коричневого цвета;

6. Штампованные сосуды;

7. Сосуды с рельефным орнаментом.

Среди местной поливной керамики не существовало полихромной расцветки орнамента сграффито, указанной в некоторых публикациях (Перевозчиков В.И., 1998, с.164). Встречающиеся на некоторых сосудах пятна зеленого цвета, проступающие на зеленом фоне (рис.33, 36, 1; 42, 2), не являются результатом сознательных действий мастера. Это случайный эффект обжига.

Производство поливной керамики в Нижнем Подонье не имело домонгольских корней и связано с переселением сюда извне группы гончаров. И.В.Волков связывает это с переселением в Азак большой общины армян из Сарая (Волков И.В., 1992, с.6). Сейчас можно говорить о том, что переселение в Азак мастеров этой группы керамистов не было однократным, и, как уже было сказано, эта группа не является генетически однородной. Высказанное ранее предположение о сосуществовании на одном участке производства всей азакской керамики (Перевозчиков В.И., 1993, с.218-219), на которое попался и автор данной статьи (Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998, с.208), в настоящее время подтвердить невозможно. Хотя мастерские гончаров 1 и 2 групп находились в одних и тех же районах, нет доказательств их совместной работы в пределах одной мастерской. Правда, и окончательно опровергнуть это мнение невозможно.

Доля местной продукции среди всей поливной керамики, бытовавшей в Азаке, – 42,1%. Однако эта усредненная цифра не отражает динамики изменений объема местного производства. Местная поливная керамика появилась во 1310-е гг. В этот хронологический отрезок её доля составляет немногим более 1% (Дмитриенко М.В., Масловский А.Н., 2006, с.236-237, 255-256, рис.2, 9). В

1330 гг практически во всех комплексах местная керамика еще составляет меньшинство. В среднем – 20,9%. В конце правления Джанибека местная керамика начинает преобладать (57,2%). В 3-й четв. XIV в. её доля составляет уже около 60%. В дальнейшем, в период правления Тохтамыша, ее доля увеличилась незначительно (62,9%). Но даже в этот период встречаются комплексы с преобладанием импортов.

Очень сильно со временем изменялась и техника орнаментации местной продукции. Это, правда относится только к сосудам открытых форм. Первоначально практически вся полива была неорнаментированной. В 1330 гг её доля составляла около 80%. В 1350 гг она уменьшилась до 36%. В 1360 гг – 26%. В период правления Тохтамыша неорнаментированной поливы оставалось 21%. В период до сер. XIV в. сосуды с орнаментом сграффито составляли менее 20%. Затем его доля неуклонно повышалась до 44% в период правления Тохтамыша. Особенно показательно изменение доли росписи ангобом. Эта техника появляется в 1330 гг. В это время она составляет чуть более 2%. В 1350 гг её доля резко увеличивается в 15 раз и в дальнейшем не опускается ниже 30%. Керамика с расцветкой пятнами в небольшом количестве отмечена в сер. XIV в. Сосуды закрытых форм практически не орнаментированы (свыше 95%).

Помимо Азака, местная поливная керамика поступала в его сельскую округу. Однако даже здесь она не смогла вытеснить импорты. Отмечена она в Маджаре (Волков И.В., 2007, с.36). Возможно, керамика поступала в Среднее Подонцовье (Кравченко Э.Е., 2005, с.417-418, рис.1-3). Во всяком случае, именно в 3-й четв. XIV в. в Азаке получает очень широкое распространение керамика с росписью ангобом – многочисленная на Царином городище, расцвет которого приходится именно на этот период (Кравченко Э.Е., 2005, с.419).

Даже беглый анализ продукции мастерской в районе Дома быта “Юбилейный” показывает очень высокую степень стандартизации форм и размеров сосудов в пределах одной мастерской. Поэтому в дальнейшем вполне реально выделение продукции конкретной мастерской среди сосудов одного типа. Пока же незначительные колебания

формы, пропорций и размеров не учитываются при выделении типов. 2/3 всего массива керамики составляют сосуды открытых форм. Ниже мы приводим краткую классификацию форм сосудов.

Горшки с ручкой

Данный вид изделий (рис.2, 3, 9-11) является достаточно однородным морфологически и представлен одним типом. Тулово бочонковидное, с местом максимального диаметра около середины высоты. Шейка высокая, отогнута наружу. К ее верхнему краю крепится уплощенная в сечении ручка. Нижний прилеп ручки – на месте максимального диаметра или чуть выше. Верхняя половина тулова покрыта рифлением, выполненным врезными желобками. Глазурь нанесена на внутреннюю поверхность. На внешней поверхности глазурь только на венчике и в виде вертикальных потеков. Использовалась глазурь и зеленого, и желтого цвета. Иногда глазурь крайне низкого качества нанесена очень тонким слоем и выглядит, скорее, как слой краски.

Высота – 17,5-20,5 см. Диаметр максимальный – 16,0-18,0 см. Диаметр венчика – 10,0-14,0 см. Диаметр дна – 8,0-10,5 см. В дальнейшем, все же, возможно разделить сосуды на несколько типов, различающихся размерами и пропорциями тулова. Горшки являются единственным видом кухонной посуды среди поливной керамики местного производства Азака. Данный вид изделий появился еще в 1330 гг. Однако значительное распространение он получает только во 2-й пол. XIV в. после резкого сокращения численности византийских светлоглиняных горшков (Масловский А.Н., 2006б, с.401, 403, рис.37, 1-7). Вероятно, это была попытка замещения товара, почти исчезнувшего с рынка. Влияние византийской продукции очевидно. При этом местные мастера копировали только один и не самый распространенный из нескольких типов импортных изделий (Масловский А.Н., 2006б, рис.37, 7). Имитация распространялась и на оформление верхней части тулова врезными желобками, в отличие от византийских горшков рифление появлялось как следствие вытягивания на круге тонких стенок.

Кружки

Данный вид сосудов (рис.2, 1, 4-8, 12), по сути, является уменьшенной копией горшков. Вместе с тем нет сомнений в их столовом назначении. На них никогда не фиксируется следов копоти. Ранее высказанное мнение о редкости этой формы (Масловский А.Н., 2006б, с.346) оказалось неверным. Проблема в сложности различения небольших фрагментов горшков и кружек. Выделяются два типа. При этом первый абсолютно преобладает.

1 тип (рис.2, 1, 4-8). Тулово бочонковидное или близкое к нему. Максимальный диаметр тулова приходится на середину высоты сосуда или смещен к придонной части. Шейка короткая, отогнута наружу. Ручка с верхним прилепом к венчику и нижним – в месте максимального диаметра сосуда. Хотя преобладают сосуды с рифлением врезными желобками верхней половины тулова, встречаются и гладкостенные экземпляры. Высота сосуда – 13,0-15,0 см. Диаметр тулова – 12,0-13,0 см (есть сосуды несколько меньшего размера). Диаметр венчика – 8,5-10,0 см. Диаметр дна – 6,5-7,5 см.

2 тип (рис.2, 12). Данный тип известен по единичной полной находке и заметно отличается морфологически. Тулово бочонковидное, несколько асимметричное, с суженной придонной частью. Место максимального диаметра – несколько выше середины высоты сосуда. Шейка короткая, прямая, с плоским верхним краем. Верхняя часть тулова покрыта небрежным рифлением. Ручка петлевидная, уплощённая в сечении, с верхним прилепом к венчику, от которого отходит горизонтально. Сосуд отличается небрежностью изготовления. Возможно, перед нами результат эксперимента. Высота – 13,6 см. Диаметр тулова – 11,9 см. Диаметр венчика – 9,5-10,0 см. Диаметр дна – 6,0 см. Сечение ручки – 2,1×1,0 см.

Распространение данного вида сосудов в Азаке относится к сер. – 2-й пол. XIV в. Сама форма является подражанием византийской продукции (Масловский А.Н., 2006б, рис.37, 9), хотя кружки византийского производства никогда в Азаке многочисленны не были.

Миски (чаши) с ручками

Форма крайне малочисленная (рис.2, 2). До настоящего времени не удалось собрать ни одного целого экземпляра. Поэтому наблюдения за их морфологией могут быть только предварительными. Судя по аналогичным сосудам других центров производства, они имели две ручки. Ручки петлевидные, уплощенные в сечении. Верхние прилепы ручек расположены на венчике. Тулово глубокое, близкое к биконическому. Шейка высокая, отогнута наружу с маленьким, слабо профилированным венчиком. Плечи узкие низкие. Диаметр тулова – около 22 см. Диаметр венчика – около 20 см. Ни о времени бытования данного вида посуды, ни о возможных влияниях изделий других производственных центров в настоящее время сказать ничего определенного нельзя.

Кувшины

Несмотря на многочисленность фрагментов столовых сосудов закрытых форм, реконструируемых сосудов найдено не так уж много, и уверенности, что нам известен весь их ассортимент, нет.

1 тип (рис.3, 1, 5; 25, 3). Горло короткое, воронковидное. Венчик с крупным сливом (ойнохоевидный). Тулово удлиненное, с местом максимального диаметра в придонной части. Верхний прилеп ручки расположен на месте перехода горла в тулово. Нижний прилеп ручки находится примерно на уровне середины высоты сосуда. Высота – более 27 см. Диаметр тулова – 12,5 см. Диаметр дна – 11,0-11,5 см.

2 тип (рис.3, 2-4). От предыдущего типа он отличается только меньшими размерами и ниже расположенным нижним прилепом ручки. Высота – 15,0-18,0 см. Диаметр тулова – 8,0-9,0 см. Диаметр дна – 5,5-7,0 см.

3 тип (рис.3, 6). Горло, по сравнению с предыдущими типами, пропорционально более высокое. Слив на венчике меньшего размера. Тулово удлиненно-яйцевидное, с местом максимального диаметра ниже середины высоты сосуда. Плечи высокие, узкие. Нижний прилеп ручки расположен на середине

высоты сосуда. Высота – 21,0 см. Диаметр тулова – 11,5 см. Диаметр дна – 8,0 см.

Первые три типа явно копируют форму итальянских протомайоликовых кувшинов. Подобных форм сосудов среди поливной керамики, бытовавшей в Причерноморье, Закавказье, Средней Азии в домонгольский период, не существовало. Это копирование могло быть прямым, в Азаке находки подобных кувшинов не единичны (Масловский А.Н., 2006б, с.437, 439, рис.52, 1-4). Оно могло быть и опосредованным, поскольку такие кувшины были весьма многочисленны среди продукции городов Юго-Восточного Крыма, прежде всего Каффы, и часто встречаются в Азове (Масловский А.Н., 2006б, с.366, рис.22, 4, 5). Подражание было не очень точным, в отличие от итальянских прототипов кувшины не покрывались глазурью изнутри. Не было сделано даже попыток воспроизвести роспись. При этом распространение эти типы получают в сер. – 2-й пол.XIV в. уже после исчезновения с рынка Азака итальянских кувшинов.

4 тип (рис.3, 7). Горло высокое, с воронковидным расширением в верхней части и сливом на венчике. Верхний прилеп ручки расположен ниже венчика. Корпус удлиненный. В отличие от других типов кувшинов глазурь нанесена по черепку только на внутренней стороне. Ни одного целого сосуда данного типа собрать не удалось. Диаметр тулова – около 14 см. Диаметр венчика – около 7 см. Данный тип также явно имитирует светлоглиняные кувшины византийского производства, встреченные в Азаке (Масловский А.Н., 2006б, с.403, рис.37, 15). Также как и византийский прототип кувшин покрыт глазурью изнутри. Кроме этого типа кувшина, кухонных горшков, туваков и кружек, только некоторые альбарелло и аптечные амфоры имеют подобную обработку внутренней поверхности. Также, как и прототип, в Азаке эта форма распространения не получила.

5 тип (рис.3, 8, 9; 25, 2). Тулово биконическое на низком кольцевом поддоне. Горло высокое, цилиндрическое. Верхний прилеп ручки расположен на верхней части горла. Нижний прилеп – выше места максимального диаметра. Ни одного полного экземпляра не найдено. Высота – более 19 см. Диаметр тулова – 13,0-13,5 см. Диаметр дна – 7,0-7,5 см.

Большинство находок этого типа также относятся к сер. – 2-й пол.XIV в.

Большая часть кувшинов относится к отделу сосудов с глазурью, нанесенной по ангобу без дополнительной орнаментации. 2 и 3 типы отмечены также в отделе сосудов с орнаментацией аморфными пятнами марганца. Встречены также небольшие фрагменты кувшинов с орнаментом сграффито, однако об их морфологии ничего определенного в настоящий момент сказать нельзя.

Штампованные кувшины

Строго говоря, нет оснований выделять кувшины со штампованным декором (рис.5, 11) в отдельный вид, поскольку навряд ли их функциональное назначение значительно отличалось от назначения других кувшинов. Известно значительное число фрагментов колыбов из трех мастерских (Гудименко И.В., Перевозчиков В.И., 1989, с.16; Перевозчиков В.И., 1993, с.195, 197, рис.12, 9; Масловский А.Н., 2002б, с.216, рис.1, 4). Утверждение о регулярности находок штампованных кувшинов в Азаке (Панина Э.Л., Волков И.В., 2000, с.89) является преувеличением. На настоящий момент число фрагментов колыбов едва ли не больше числа фрагментов самих штампованных кувшинов. При этом существует стилистическая разница орнаментов на фрагментах колыбов и готовых изделий. Имеется лишь один экземпляр почти полностью сохранившегося тулова кувшина диаметром 15 см. Малочисленность находок не позволяет говорить об их морфологических особенностях. Отметим наличие защипа на нижнем прилепе ручки. Очевидно, производство штампованной керамики в Азаке не получило развития из-за сильной конкуренции продукции городов Юго-Восточного Крыма.

Миниатюрные кувшины

В отдельный вид необходимо выделить миниатюрные кувшинчики (рис.3, 10-14; 25, 1). Они, вероятно, имели различное функциональное назначение (кружек для детей, сосудов для приправ, десертов, косметических и лекар-

ственных средств). В одном из кувшинчиков была обнаружена губчатая органическая масса с обугленными ягодами винограда. Определенной подсказкой в определении их назначения является то, что целые сосуды неоднократно находили в заполнении выгребных ям.

Типологически все изделия близки друг к другу. Горло профилировано желобками. Тулово шаровидное, с выделенной цилиндрической придонной частью. Верхний прилеп ручки расположен под венчиком. Ручка несколько приподнята над местом прилепа. Нижний прилеп ручки расположен над местом максимального диаметра. Вместе с тем, высота горла и профилировка венчика сильно различаются, что в дальнейшем позволит разделить данный вид изделий на несколько типов. Высота – 10,0-13,0 см. Диаметр тулова – 8,0-10,0 см. Диаметр венчика – 5,0-5,5 см. Диаметр дна – 4,5-5,0 см.

Афтоба

По числу фрагментов вид занимает куда более заметное место, чем по количеству полностью сохранившихся экземпляров. Данный вид изделий достаточно однороден морфологически и разделяется на типы по размерам и форме корпуса. Горло у всех сосудов узкое, высокое, слабо расширяется кверху, слабо профилировано валиками или желобками.

1 тип (рис.4, 1). Крупные сосуды с яйцевидным корпусом. Высота тулова – около 25 см. Диаметр тулова – 19,0 см. Диаметр дна – 11,0 см.

2 тип (рис.4, 2, 3). Тулово сосудов усеченно-яйцевидной формы. Высота тулова – 19,0-20,0 см. Диаметр тулова – 17,0-17,5 см. Диаметр дна – 9,5-11,0 см.

3 тип (рис.4, 4). Корпус яйцевидный или усеченно-яйцевидный. Высота – 19-20 см. Диаметр тулова – 10,0-11,5 см. Диаметр венчика – 4,5-5,5 см. Диаметр дна – 5,5-7,0 см. Из материалов мастерской №1 (на месте дома быта “Юбилейный”) происходит около двух десятком сосудов этого типа (Перевозчиков В.И., 1993, с.193, рис.9, 11-15). Правда, найденные здесь афтобы неполивные, но очень часто поливные и неполивные сосуды одного вида морфологически идентичны.

4 тип (рис.4, 5, 6). От предыдущего типа отличаются шаровидным корпусом с выделенной придонной цилиндрической частью. Высота корпуса – 12,0 см. Диаметр тулова – 12,0-12,5 см. Диаметр дна – 6,0-7,0 см.

Как ряд других видов поливных сосудов, афтобы получили заметное распространение в сер. – 2-й пол.XIV века.

Туваки

Данный вид изделий (рис.4, 7-9) никогда не был массовым. Сосуды повторяют форму неполивных изделий. Нанесение глазури на этот вид изделий несло чисто утилитарную функцию, поэтому странно, что достаточно часто она нанесена по ангобу. И ангоб, и глазурь, зачастую, нанесены небрежно, с участками, оставленными без покрытия. Морфологически изделия достаточно однородны. Они имеют яйцевидный корпус с узкими низкими плечами и средней ширины бортик, отогнутый наружу почти горизонтально. Поскольку перед нами продукция нескольких мастерских, различия в размерах и профилировке все же имеются. Высота – 16-18 см. Диаметр венчика – 14,5-17,0 см. Диаметр дна – 5,5-7,0 см.

Аптечные амфоры (сосуды с петлевидными ручками)

Сосуды данного вида (рис.5, 5-7) предназначались для жидкостей, связанных с врачеванием и просто ценных жидкостей (Волков И.В., 2004б, с.144-145). Предлагаемое автором данной статьи название “аптечные амфоры” условно и будет отброшено, если будет установлено их оригинальное наименование. Пока же этот термин, на мой взгляд, лучше длинного описательного названия.

Хотя намного более часты находки крымских аптечных амфор, довольно многочисленны в некоторых районах города и изделия местного производства. Морфологически они достаточно однородны. Сосуды имеют корпус эллипсоидной (бочонковидной) формы. Горловина покрыта рифлением. На уровне верхнего прилепа ручек расположено более или менее выраженное ребро. У многих (но не у всех) сосудов на

внутренней стороне в этом месте имеется желобок. Этот желобок, вполне возможно, имел утилитарное назначение: задерживал осадок при выливании содержимого сосуда. Выделяется не менее трех размерных типов. Большинство изделий, как и импортные образцы, покрыто глазурью по черепку с внутренней стороны, но встречаются образцы с неглазурованной внутренней поверхностью. Снаружи глазурь нанесена по ангобу и покрывает верхнюю часть тулова сосудов до линии несколько ниже места максимального диаметра. Никакой дополнительной орнаментации на сосудах не отмечено.

1 тип (рис.5, 5). Сосуды наибольшего размера, отличаются наличием трех ручек. Высота – 37,5 см. Диаметр тулова – 22,5 см. Диаметр дна и венчика – 9 см.

2 тип (рис.5, 6). Сосуды среднего размера, имеют более вытянутые пропорции. Высота – около 18-19 см. Диаметр тулова – 12 см. Диаметр дна – 7 см.

3 тип (рис.5, 7). Наиболее редко встречаются сосуды меньшего размера. Высота – 13,5 см. Диаметр тулова – 9,0-9,5 см. Диаметр венчика – 6,0 см. Диаметр дна – 5,0 см.

Нельзя не обратить внимание на то, что, несмотря на явные морфологические отличия продукции гончаров Азака 2 группы и гончаров Юго-Восточного Крыма, в обоих производственных центрах выпускались сосуды трех основных размерных стандартов, и стандарты эти примерно одинаковы.

Альбарелло

Находки альбарелло (рис.5, 1, 2) местного производства крайне редки. Это не позволяет выделить какие-либо специфичные для Азака черты их морфологии. Однако, по всей видимости, их и не было. Скорее всего, местные сосуды просто имитировали крымские образцы. Известны как сосуды на поддонах, так и плоскодонные. Высота единственного полностью сохранившегося альбарелло – 24 см.

Миниатюрные сосуды

Вид изделий (рис.2, 13; 5, 4, 8, 9), выделенный искусственно. Несмотря на, по всей

видимости, сходное назначение, сосуды, очевидно, служили для хранения косметических средств и пищевых добавок. Однако морфологически это весьма различные сосуды. Все зафиксированные формы представлены единичными экземплярами.

1 тип (рис.5, 4). Низкая, узкая шейка отогнута наружу. Ручки(?) петлевидные с верхним прилепом к венчику. Тулово биконическое. Место максимального диаметра ниже середины высоты. Высота – 10,0 см. Диаметр тулова – 9,0 см.

2 тип (рис.5, 8). От предыдущего вида отличается еще более миниатюрными размерами и непрофилированной шейкой. Сосуд имел только одну ручку. Высота – 6,0 см. Диаметр тулова – 7,0 см. Диаметр венчика – 3,5 см. Диаметр дна – 5,0 см.

3 тип (рис.5, 9) представляет собой миниатюрную кубышку с очень короткой шейкой. Высота – 4,5 см. Диаметр тулова – 6,0 см. Диаметр горла – 3,5 см. Диаметр дна – 4,5 см.

4 тип (рис.2, 13). Горшковидный сосудик с шаровидным туловом и короткой слабо отогнутой шейкой. Высота – 11,5 см. Диаметр тулова – 10,0 см. Диаметр венчика – 7,5 см. Диаметр дна – 5,0 см.

Светильники

К числу редких форм относятся светильники (рис.5, 10) с открытым секторовидным в плане резервуаром, имитирующие форму крымских образцов. Длина – 10,0-11,0 см.

Подсвечники

Подсвечники (рис.5, 3) известны достаточно фрагментарно. Насколько возможно реконструировать их форму, они имитировали металлические подсвечники с усеченно-коническим корпусом и высоким узким патроном с расширением в верхней части. Глазурь нанесена по черепку или по небрежно нанесенному ангобу. Диаметр подошвы – около 9,0 см. Реконструированная высота – около 17,0-18,0 см. Диаметр патрона – около 3 см.

Игрушки

Известны единичные находки фигурок летящих птиц с гравированным орнаментом, возможно, являющихся игрушками (рис.5, 12).

Чаши большие

Функциональное назначение сосудов – подача к столу блюд на несколько человек, что предполагает объем в несколько литров. Эмпирические наблюдения показывают, что нижней границей размеров сосудов этого вида (рис.6, 18; 7, 1; 11, 5) является диаметр венчика порядка 23-24 см. Вид известен по очень небольшому числу определимых образцов. Можно выделить только два типа. Сосуды других типов представлены сильно фрагментированными находками, что не позволяет дать их реконструкцию и описание.

1 тип (рис.6, 18, 11, 5). Тулово глубокое, усеченно-коническое. Бортик высокий, близкий к прямому. Венчик утолщенный. Диаметр венчика – около 27 см. Высота – 13,0 см. Диаметр поддона – 8-9 см.

2 тип (рис.7, 1). Тулово глубокое, сегментовидное. Венчик не выделен. Диаметр венчика – 25,5-26,0 см.

Чаши

Сосуды, предназначенные для подачи еды взрослому человеку, наиболее многочисленный, как по числу фрагментов, так и по числу реконструированных образцов, вид изделий мастеров Азака 2 группы. При этом среди чаш (рис.6, 7-17; 7, 2-4, 7-18) также отмечено и наибольшее число типов сосудов. Предлагаемое в некоторых классификациях разделение сосудов по форме венчика на миски, чаши и др. неосновательно, поскольку морфологически сосуды различаются не настолько сильно, чтобы можно было предполагать их различное функциональное назначение. Диаметр венчика чаш колеблется от 14 до 21 см. Диаметр поддонов – 6,0-7,0 см.

1 тип (рис.6, 7-10). Сосуды с пропорционально высоким относительно нижней части тулова бортиком. Бортик слабо отогнут нару-

жу с коротким отогнутым наружу непрофилированным венчиком. Место перехода бортика в нижнюю часть тулова без выделенного ребра. Диаметр венчика – 19-21 см. Высота – 8,0-8,5 см.

2 тип (рис.6, 11). Нижняя часть тулова глубокая, усеченно-коническая. Бортик короткий, слабо отогнут наружу. Венчик маленький, подтреугольный с плоской закраиной. Диаметр венчика – 18 см. Высота – 9,0 см.

3 тип (рис.6, 12-16). Сосуды с высоким относительно нижней части тулова прямым бортиком, профилированным двумя мягкими желобками и без выделенного венчика. Диаметр венчика – 17-19 см. Высота – 8-10 см.

4 тип (рис.6, 17). Бортик высокий, загнут внутрь с выделенным коротким прямым венчиком. Диаметр венчика – 20,0 см. Высота – 11,0 см. Диаметр максимальный – 21,5 см.

5 тип (рис.7, 2, 3). Тулово глубокое, сегментовидное, без выделенного венчика. Диаметр венчика – 18,0-19,0 см. Высота – 9,0 см.

6 тип (рис.7, 4). От предыдущего типа сосуды отличаются значительно меньшими размерами. Диаметр венчика – 14,0 см. Высота – 7,0 см.

7 тип (рис.7, 9, 10). Тулово глубокое, полусферическое. Выделен короткий венчик, отогнутый наружу. Диаметр венчика – 18-20 см. Высота – 9,0 см.

8 тип (рис.7, 11, 12). Тулово глубокое, полусферическое. Короткий бортик отогнут наружу и вверх. На внутренней стороне заметно ребро, отделяющее бортик от остальной части сосуда. Диаметр венчика – 14,5-15,0 см. Высота – 8,0-8,5 см. Профилировка сосудов достаточно специфична для того, чтобы считать эту форму имитацией сосудов наиболее многочисленной в Азаке группы византийской поливной керамики (Масловский А.Н., 2006а; 2006б, с.395, рис.33, 1, 4). Форму поддона при этом местные мастера копировать не пытались.

9 тип (рис.7, 13). Тулово глубокое, полусферическое, с маленьким подтреугольным отогнутым наружу венчиком. По внутренней стороне венчика проходит желобок. Диаметр венчика – 16 см. Высота – 9,0 см.

10 тип (рис.7, 14, 15). Тулово глубокое, полусферическое, с маленьким подтреугольным венчиком, отогнутым наружу почти горизон-

тально. Верхняя закраина плоская. Диаметр венчика – 20 см. Высота – 9,0-9,5 см.

11 тип (рис.7, 8). Сосуды с высоким загнутым внутрь бортиком с непрофилированным верхним краем. Диаметр венчика – 17,5 см. Диаметр тулова максимальный – около 19 см.

12 тип (рис.7, 17). Тулово глубокое, полусферическое с отогнутым наружу краем. На верхней части – пояс из вертикальных каннелюр. Диаметр венчика – 19,5 см. Высота – 10,0 см.

13 тип (рис.7, 16; 49, 2). От предыдущего типа отличается только значительно меньшими размерами. Диаметр венчика – 14,0 см. Высота – 7,0 см. Как и предыдущий тип, эти чаши получили небольшое распространение в сер. – 2-й пол.XIV века.

14 тип (рис.7, 18). Тулово глубокое, полусферическое. Верхняя часть тулова гофрирована, с большим количеством мелких лепестков. Диаметр венчика – 20,0 см. Высота – 10,5 см. Данная очень специфическая форма сосуда, несомненно, копирует куда более распространенные сосуды такого типа производства городов Юго-Восточного Крыма (Масловский А.Н., 2006б, с.362, рис.21, 13). Некоторое распространение чаши такой формы получают в 3-й четв.XIV века.

15 тип (рис.7, 15). Тулово сегментовидное, со слабо выделенным краем на узком высоком поддоне. Тип известен по единственному экземпляру, и его принадлежность к местной продукции вызывает значительные сомнения, проверить которые в настоящее время невозможно, поскольку сосуд не имеет сломов, а вся внешняя поверхность покрыта глазурью (единственный случай). Диаметр венчика – 15,0 см. Высота – 11,0 см.

Жесткой зависимости между техникой орнаментации и формой сосудов, по-видимому, не существовало. Но определенная связь все же существовала. Большая часть сосудов с росписью ангобом представлена чашами 5 и 7 типов.

Чашечки

Сосуды этого вида (рис.7, 5, 6; 26, 1) немногочисленны, хотя и встречаются все же чаще, чем это можно заключить по неболь-

шому числу реконструированных образцов. Представлены они двумя типами, первый из которых составляет подавляющее большинство находок. Диаметр поддонов – 4,0-4,5 см.

1 тип (рис.7, 5). Тулово полусферическое с невыделенным венчиком. Диаметр венчика – 9-11 см. Высота – 5,5 см.

2 тип (рис.7, 6; 26, 1). Тулово конусовидное с выделенным маленьким прямым бортиком. Диаметр венчика – 11,5 см. Высота – 5,5 см.

Все изделия этого вида относятся к отделу монохромных, с глазурью, нанесенной по ангобу. Следует также отметить, что большинство сосудов 1 типа покрыто глазурью, которую правильнее было бы назвать салатной, и которая редко встречается на сосудах других типов.

Блюда

Крайне редкий вид изделий (рис.6, 1, 2). На настоящий момент выделяются два типа, представленные единичными находками. Остальные находки достоверно реконструированы быть не могут. Диаметр поддонов – 8-9 см.

1 тип (рис.6, 1). Тулово глубокое, профилированное с выделенной ребром вертикальной зоной. Бортик широкий, отогнут наружу под углом 45°. Диаметр венчика – 27,5 см. Высота – 8,5 см.

2 тип (рис.6, 2). Тулово более мелкое сегментовидное. Бортик широкий отогнут наружу почти горизонтально, со слабо профилированным венчиком. Диаметр венчика 28-30 см. Все изделия не орнаментированы. Диаметр венчика 28 см. Высота 7,0 см.

Тарелки

В отличие от блюд тарелки (рис.7, 3-6) редкостью не являются. Существенных морфологических отличий между этими двумя видами нет, и они различаются только размерами. Верхней размерной границей тарелок, на мой взгляд, является диаметр венчика 24 см. Диаметр поддонов – 6-7 см. На настоящий момент можно выделить три типа.

1 тип (рис.6, 3, 4). Тулово мелкое сегментовидное. Широкий бортик, отогнутый почти

горизонтально, отделен от внутренней части тарелки небольшим валиком. Диаметр венчика – 20-24 см. Высота – 5,5-6,5 см.

2 тип (рис. 6, 5). Отличается от предыдущего типа узким горизонтальным бортиком. Диаметр венчика – 23-24 см. Высота – 6,0-6,5 см.

3 тип (рис. 6, 6). Бортик отогнут наружу под углом 45° и отделен от внутренней части тулова маленьким валиком. Из-за такой профилировки бортика тулово имеет усеченно-коническую форму и выглядит более глубоким. Диаметр венчика – 21 см. Высота – 6,0 см.

Отдельной большой темой является классификация орнаментов на сосудах. Классификация орнаментов золотоордынского Азака ранее уже предлагалась (Перевозчиков В.И., 1993, с.200, 202-203, 210, 212, 214-216). Ее нельзя назвать удачной. В сущности, это было простое перенесение на азакские материалы ранее сделанных классификаций. В статье, посвященной доказательству существования Херсонеса в XIV в. (Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990), дается краткое описание местной поливной керамики Азака (Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990, с.95-96).

Единственной крупной иллюстрированной работой по орнаментации поливной керамики Нижнего Поволжья является статья Н.М.Булатова (1976). Для Азака правомерны некоторые обобщения, сделанные для материалов Нижнего Поволжья, например, преобладание концентрических орнаментов над радиальными в пропорции 4:1 (Булатов Н.М., 1976, с.86). Однако она обладает теми же недостатками, что и другие работы по поливной керамике. Нельзя считать все найденные при раскопках сосуда местной продукцией. Между тем многие изданные Н.М.Булатовым вещи даже по фотографиям могут быть опознаны, как изделия мастерских Юго-Восточного Крыма. Существует достаточно детально разработанная классификация схем орнаментации золотоордынской керамики. По мнению Н.Ф.Лисовой, для красноглиняной золотоордынской керамики характерна сплошная композиция (Лисова Н.Ф., 2009, с.294). Однако автор смешивает в одно целое все красноглиняные сосуды, найденные в Нижнем Поволжье, независимо от места их производства. Кроме того, некоторые позиции в её подсчетах вызывают сомнения. Например, в таблице

4 вовсе нет радиальных композиций, хотя на этой же странице автор утверждает, что радиальные композиции достаточно популярны (как видно из иллюстраций к данной статье они вовсе не единичны). Сомнения вызывает и перечень орнаментальных схем, приведенный в таблице 5 (Лисова Н.Ф., 2009, с.295). Лично мне многие из классификационных ячеек непонятны. В чем отличие геометрического от геометрически-абстрактного орнамента? Что такое абстрактный, растительно-абстрактный орнаменты? Схема чрезмерно усложнена и абстрактна. Вообще создание таких классификаций, на мой взгляд, малопродуктивно, поскольку классифицируется не конкретный материал, а предварительно создается умозрительная схема. Это неизбежно вызывает разночтения. Например, Н.М.Булатов относил крупные розетки, занимающие все поле, к радиальной композиции (Булатов Н.М., 1976, с.87), что, на мой взгляд, неправомерно. Поэтому в предлагаемой ниже классификации орнаментов на поливной керамике местного производства золотоордынского Азака я не предлагаю перечня орнаментальных схем, а выделяю серии изделий индуктивным методом.

При поиске аналогий орнаментам необходимо, прежде всего, иметь в виду, что место находки вовсе не означает место производства. Обычно авторы идут по пути поиска приблизительных аналогий отдельным элементам – “треугольники с сетчатой штриховкой”, “ряды ломаных линий”, “волны и спирали”. После большого объема проделанной работы с обрастанием ее большим списком литературы “отмечается некоторая общность орнаментальных мотивов на сграффито-керамике «обширного региона Средиземноморья – Причерноморья»”. После этого говорится о “специфических чертах, сформированных на базе различных культурных влияний, творчески... перерабатываемых местными мастерами” (Тесленко И.Б., 2005, с.330-331). На мой взгляд, такой подбор аналогий просто лишен смысла, а для формулировки такого вывода вовсе не нужно ничего детально изучать. Эта фраза может быть написана a priori.

При подборе аналогий нужно искать не отдельные элементы, а точные соответствия композиции, состоящей из одних и тех же эле-

ментов. Именно такие и только такие полные аналогии и указаны ниже при обзоре орнаментальных композиций.

Представленные ниже серии изделий отнюдь не исчерпывают всего многообразия встреченных находок. Новые раскопки и тщательный разбор уже имеющихся коллекций, несомненно, значительно увеличат число выделенных серий. В данной работе серии выделялись почти исключительно на основании достаточно полно сохранившихся экземпляров. Использование фрагментарного материала при построении классификации затруднительно и может внести в нее много путаницы. Поэтому его привлечение оправдано тогда, когда основная классификация уже составлена.

Наибольшее разнообразие вариантов орнаментации дает отдел керамики сграффито. И здесь же еще следует ожидать выделения значительного числа серий. Зооморфные орнаменты на поливной керамике Азака исключительно редки. На большой чаше 2 типа изображен сирий (рис.8, 1; 28, 1). Этот сосуд уже рассматривался в литературе. Было высказано предположение о производстве этой чаши на заказ и ритуальном ее назначении (Тарутина С.М., 2007, с.102, 104, рис.2). То, что перед нами единичное изделие, изготовленное на заказ, доказывает любопытная деталь. При первом обжиге на середине высоты тулова образовалась крупная горизонтальная трещина. Она была замазана жидким белым ангобом (рис.24, 4). Именно по этой трещине в дальнейшем сосуд и раскололся. При этом несомненно, что мастер тщательно скопировал какой-то образец.

Другой единичной находкой является фрагмент чаши со сложной сюжетной композицией (рис.8, 2). Изображена сцена терзания волком(?) быка(?), оленя(?). Над животными пролетает хищная птица. Аналогии этой композиции мне найти не удалось. Есть некоторые сомнения в её местном производстве.

Единственной серией среди зооморфных сюжетов являются изображения птиц (рис.8, 3-5; 27). Птица изображена стоящей на фоне длинных побегов с крупными удлинёнными листьями, которые заканчиваются стилизованными изображениями плодов. У птицы небольшой хохолок. Крылья не выделены. Ноги

длинные. Среди достаточно многочисленных изображений птиц на керамике Юго-Восточного Крыма есть аналогичные композиции (Баранов И.А., Майко В.В., 1998, с.28, рис.3, 3; Масловский А.Н., 2010, рис.18, 2). Если считать, что данная серия появилась в результате копирования крымских образцов, неясной остается причина, по которой не копировались иные сходные композиции (стоящая птица, птица, расправляющая крылья, птицы, идущие по кругу и др.).

По сравнению с продукцией Нижнего Поволжья (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.130), поливная посуда Азака значительно уступает и по числу находок, и по разнообразию сюжетов. Малочисленность антропоморфных и зооморфных сюжетов в целом характерна для золотоордынских памятников (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.136).

Для удобства пользования статьей выделенные ниже серии пронумерованы. Эта нумерация не является окончательной. Многие из описанных серий в дальнейшем, очевидно, необходимо будет разделить.

1-2 серии (рис.9, 1-8). В центре двойной линией выделен крупный округлый медальон. От него расходятся лучи с маленькими завитками у основания. Медальон заполнен мелким рисунком. На мой взгляд, все эти изображения можно считать более или менее стилизованными растительными мотивами. Таким же растительным элементом, судя по аналогиям (рис.10, 2), являются и "лучи", расходящиеся от медальона. Они изображали засыхающие листья или тычинки цветка, или, возможно, новые ростки. В заполнении медальона существует два основных варианта, которые и позволяют выделить две отдельные серии. В первом случае он заполняется сетчатой штриховкой, зигзагами, попеременно прямыми и волнистыми линиями (рис.9, 1-3, 7; 29). Во втором варианте композиция сложная, очень мелкая, со спиралевидными побегам, оканчивающимися округлыми розетками с фестончатыми краями (рис.9, 4-6, 8; 28, 2; 30). Сходные композиции имеются среди продукции всех золотоордынских центров. Наиболее близкие аналогии встречены среди чаш производства городов Юго-Восточного Крыма.

3 серия (рис.16, 3; 43, 1). Композиция усложнена внешним узким орнаментальным

поясом, в котором по кругу расположена цепь, образованная переплетением двух лент. В центр каждого звена вписан округлый медальон с заштрихованной сердцевинкой. Фон вокруг цепи заполнен мелкими спиралями.

4 серия (рис.10, 2-5; 31, 32). Все поле чаши занимает восьмилепестковая розетка с расходящимися от нее лучами. Один из экземпляров демонстрирует, что лучи – это стилизованные растительные элементы (рис.10, 2; 31, 1). Концы лепестков остроугольные. В большинстве случаев лепестки попеременно заполнены спиралями или выскоблены. При этом практически каждая чаша несколько отличается от других. Весьма близкие аналогии найдены на Селитренном городище (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, табл.VII, 7, 9).

5 серия (рис.10, 1). Близкой к предыдущим является композиция с пятилепестковой розеткой, образованной переплетением лент. Сердцевина цветка и лепестки выскоблены. От розетки расходятся стилизованные растительные элементы (тычинки(?), завязи(?)).

6 серия (рис.10, 6, 7; 34, 1). В центре чаши двойной линией выделен крупный незаполненный орнаментом медальон. Вокруг него попарно расположены удлиненные листья, в промежутки между которыми вписаны мелкие округлые спирали. Подобные композиции отмечены среди поливной керамики городов Нижнего Поволжья (Булатов Н.М., 1976, с.86).

7 серия (рис.11, 5, 6; 33). Является усложненным вариантом предыдущей композиции. Она дополнена парами противоположащих лепестков. Середины лепестков выскоблены.

8 серия (рис.11, 1, 3). В центре чаши двойной линией выделен крупный незаполненный орнаментом медальон. Вокруг него расположены овальные медальоны, с вписанными с них орнаментальными элементами, в оформлении которых использовано выскабливание ангоба. В некоторых случаях это распускающиеся бутоны (рис.11, 3). В других изображениях сложно идентифицировать (рис.11, 1). Близкие по орнаменту сосуды отмечены среди продукции Юго-Восточного Крыма, найденной в Азаке.

9 серия (рис.11, 4). От предыдущей серии отличается тем, что вокруг центрального ме-

дальона расположены не медальоны, а закрученные в круг побеги, оканчивающиеся округлыми розетками с фестончатыми краями.

Среди фрагментарного материала имеется еще целый ряд изделий с композицией, построенной вокруг незаполненного центрального медальона (рис.11, 2), которые в настоящее время невозможно выделить в отдельные серии.

10 серия (рис.11, 7; 47, 2). Вокруг расположенного в центре фигурного пяти- или шестиугольного картуша расположены округлые спирали. Практически идентичные чаши есть среди продукции городов Юго-Восточного Крыма (найдена на поселении на острове в устье р.Тягинки на Нижнем Днепре) (Черная Е.Д., 1998 с.187, рис.1, 1).

11 серия (рис.17, 1; 46, 2). Усложненным или, если угодно, менее стилизованным является следующий вариант. В центре расположен шестиугольник с вогнутыми сторонами. Вокруг него переплетением двух лент образована шестилепестковая розетка. В середину каждого лепестка вписана розетка с фестончатым краем и заштрихованной сердцевинкой. Фон изображения заштрихован широкими линиями.

12 серия (рис.12, 3-6, 8; 34, 2; 35, 1). Орнаментом занято все орнаментальное поле, поделенное восемью лучами на сектора. В средней части каждого сектора помещен цветочный бутон. За этим орнаментальным элементом в литературе закрепилось очень неудачное название “луковицеобразная фигура” (Булатов Н.М., 1976, с.86). Он отмечен в продукции всех золотоордынских гончарных центров. Фон вокруг бутонов заполнен или штриховкой, или мелкими спиралями. Эти два элемента чередуют друг друга не только в этой серии, но и во многих других случаях. Аналогичная композиция встречена среди продукции городов Юго-Восточного Крыма, найденной в Азаке (Белинский И.В., Масловский А.Н., 2005, рис.4, 2).

Данная серия, бесспорно, самая многочисленная среди продукции гончаров Азака. Она производилась на протяжении всего периода сер. – 2-й пол.XIV века.

Есть ещё ряд серий сосудов, композицию на которых составляет розетка каждый лепесток которой – цветочный бутон.

13 серия (рис.12, 2; 35, 2). Вокруг центра находятся шесть цветочных бутонов, изображенных в резерве на фоне миндалевидных медальонов, образованных переплетением лент. В центре – шестиугольник с вогнутыми сторонами, в который вписан закрученный побег, оканчивающийся округлой розеткой с фестончатым краем. В промежутках между лепестками – спирали.

Композиции с бутонами вокруг вогнутого многоугольника встречены на Царевском городище, но аналогия не очень близкая (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, табл. V, 33).

14 серия (рис.13, 1; 36, 1). Вокруг центра – семь цветочных бутонов, изображенных на фоне более крупных миндалевидных медальонов. В центре – семиугольник с вогнутыми сторонами с изображением цветка лотоса. Промежутки между медальонами вдоль края композиции и фон вокруг цветка лотоса заштрихованы.

На целом ряде серий сосудов изображены очень крупные розетки, занимающие все орнаментальное поле.

15 серия (рис.13, 2, 3; 36, 2). Самым простым вариантом является изображение семи-восьмилепестковой розетки с лепестками, расходящимися от центральной точки. По центру каждого лепестка проходит мелкая волнистая линия. Промежутки между лепестками заполнены мелкими спиралями. Именно эта серия имеет максимальное число достаточно точных аналогий среди керамики производства городов Юго-Восточного Крыма (Айбабина Е.А., 2005, с.234, рис.7, 2; Баранов И.А., Майко В.В., 1998, рис.2, 2; Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998, рис.15, 1). Изделия городов Нижнего Поволжья с такой композицией достаточно часты (Булатов Н.М., 1976, с.87), но несколько отличаются стилистически, хотя, возможно, более точные аналогии просто не опубликованы.

16 серия (рис.13, 4; 45, 1). Лепестки, расходящиеся из центральной точки, образованы лентами.

17 серия (рис.13, 5; 37, 1). Много небольших лепестков расположено вокруг выделенного двойной линией незаполненного центрального медальона. Промежутки между лепестками заполнены мелкими спиралями.

18 серия (рис.12, 1; 42, 1). Композиция усложнена цветочными бутонами, вписанными в каждый из лепестков.

19 серия (рис.17, 2; 46, 1). Несколько особняком стоит серия, где крупная пятилепестковая розетка образована переплетением лент вокруг пятиугольника с вогнутыми сторонами. В каждый из лепестков вписан цветочный бутон с розеткой с фестончатым краем внутри. В центр чаши вписана спираль. Фон изображения заштрихован широкими линиями.

20 серия (рис.12, 7; 14, 4; 15, 1-3, 5-7; 39, 2; 40, 41; 42, 2, 3). Самым многочисленным среди серий сосудов с изображением крупных розеток и при этом самым варибельным является изображение “многослойной розетки”. В промежутки между лепестков верхней розетки попадают лепестки розетки нижележащей. В ряде случаев перед нами даже не две, а три розетки, положенные друг на друга (рис.12, 7; 15, 1-3, б). Лепестки розеток имеют самое разное заполнение. Это могут быть и просто мелкие небрежные спирали (рис.14, 4), и стилизованные растительные побеги в резерве (рис.15, 3), просто штриховка (рис.15, 5, б) или заполнение мелкими ромбовидными элементами (рис.15, б). Но самым частым является выскабливание узкого овала или всей сердцевинки лепестка (рис.15, 1-3, 5). В выскабленной сердцевине розетки – в резерве круг или овал. Сосуды данной серии по качеству исполнения орнамента являются одними из лучших. Однако и здесь встречаются сосуды с очень небрежной гравировкой (рис.15, 7). Сосуды с такой композицией есть в материалах мастерской Царевского городища, но стилистически они несколько отличаются (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, табл. VII, 3, 4).

21 серия (рис.14, 5; 39, 1). Вариацией такой композиции является расположение многослойной розетки вокруг выделенного незаполненного центрального медальона. При этом верхняя розетка образована переплетением лент. В каждый ее лепесток вписан цветочный бутон, заполненный удлиненной розеткой(?) с фестончатым краем.

22 серия (рис.14, 2, 3; 37, 2; 38, 2). В центре композиции – крупная шестилепестковая розетка, образованная переплетением лент. Сердцевина розетки и каждого ее лепестка выскаблена. Вокруг розетки расположены сти-

лизированные прорастающие побеги и отдельные листья. Такая композиция достаточно часта на сосудах производства Юго-Восточного Крыма (Белинский И.В., Масловский А.Н., 2005, рис.1, 3; Баранов И.А., Майко В.В., 1998, рис.1, 4; Романчук А.И., 2003, с.72, табл.56, 185) и Нижнего Поволжья (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, табл.V, 32). Правда, здесь середины лепестков выскоблены далеко не всегда. Изображение розеток, образованных семью кружками, вообще очень распространено в районах Золотой Орды, куда оно, в свою очередь, попало из иранского и, в частности, хорасанского искусства, и представляет собой стилизованное изображение грозди из семи плодов граната (Гюзальян Л.Т., 1965, с.74, 76, 77, рис.40, 42, 43).

23 серия (рис.14, 1; 38, 1). Сильно усложненный вариант предыдущей композиции. Вокруг центральной розетки из семи кружков переплетением лент образована сложная розетка, которую можно разложить на три простых розетки. Вокруг сложной розетки размещены узкие листья и пробивающиеся побеги.

24 серия (рис.16, 2). Своеобразным вариантом является изображение многослойной розетки, где верхняя розетка имеет небольшие размеры, а в каждый лепесток нижней розетки вписан цветочный бутон.

25 серия (рис.16, 8). Ещё одним вариантом усложнения композиции с многослойной розеткой является помещение в лепестки одной из розеток распускающихся бутонов, выполненных в резерве.

Далее следуют серии сосудов, центральное место в которых занимает одиночный крупный цветочный бутон.

26 серия (рис.16, 4, 9; 44, 2). Цветочный бутон в резерве на стебле в обрамлении двух листьев. Фон изображения заполнен стилизованными растительными побегами. В некоторых случаях побеги оканчиваются округлыми розетками с фестончатыми краями (рис.16, 4).

27 серия (рис.16, 5). От предыдущей серии отличается тем, что композиция ограничена двумя линиями, образующими большой центральный медальон. От него расходятся стилизованные тычинки(?). В целом, композиционная схема такая же, как и в сериях 1 и 2, но мы выделяем ее отдельно, поскольку здесь изображение бутона является центральным

элементом. В первых же двух сериях элементы заполнения центрального медальона носят вспомогательный характер.

28 серия (рис.16, 6; 45, 2). Крупный цветочный бутон размещен свободно, вокруг него расположены отделенные от него другие растительные элементы. Внутрь бутона вписана розетка с фестончатым краем.

Крупный цветочный бутон отмечен как на продукции Юго-Восточного Крыма (Баранов И.А., Майко В.В., 1998, рис.1, 4), так и среди изделий из мастерской на Царевском городище (Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1974, табл.VII, 5).

29 серия (рис.16, 1; 18, 1; 49, 1). Особняком среди сосудов с растительным орнаментом стоят немногочисленные экземпляры, у которых орнамент размещен не центрически, а в трех полосах, на которые поделено орнаментальное поле. В полосах помещены разной степени стилизации растительные побеги. В некоторых случаях центральная полоса занята сетчатым орнаментом (рис.16, 1).

Несомненно, новые находки и их сопоставление с уже имеющимися образцами в дальнейшем позволят выделить еще целый ряд серий со сложными растительными композициями. Имеющиеся на настоящий момент фрагментарные находки часто не дают возможности составить представление об орнаменте в целом (рис.15, 4; 18, 4, 5; 44, 1; 51, 2). Вероятно, некоторые из них окажутся импортами.

Во всех вышеперечисленных сериях растительный орнамент занимает всю или большую часть поверхности сосуда. Наряду с этим есть, хотя и значительно меньшее число сосудов, на которых орнамент ограничивается небольшой по размеру розеткой (рис.16, 7; 18, 6, 7; 43, 2). Объединять их в одну серию не целесообразно, поскольку стилистически они разнородны.

Нерастительные орнаменты достаточно редки. При единичности находок выделять серии здесь пока затруднительно. В керамике Поволжья преобладают геометрические мотивы (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.130). Но, кажется, многие орнаменты отнесены здесь к геометрическим неправомерно.

Отмечены изделия с клетчатым узором, иной раз дополнительно усложненным

(рис. 17, 5; 48, 1). Иногда клетчатый узор включен в более сложные композиции (рис. 16, 1; 17, 4). В красноглиняной поливной керамике Нижнего Поволжья клетчатый узор представлен достаточно широко (Булатов Н.М., 1976, с.87). Также намного чаще сетчатый узор отмечается среди продукции городов Юго-Восточного Крыма (Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998, рис.14, 3-4).

Одной из самых редких композиций является размещение узкого орнаментального пояса по краю сосуда (рис.17, 6, 9; 47, 1). В одних случаях – это одиночная волнистая линия, расположенная между прямыми линиями (рис.17, 9). Точные аналогии таким сосудам имеются среди изделий производства Юго-Восточного Крыма (Айбабина Е.А., 2005, с.233, рис.7, 1; Белинский И.В., Масловский А.Н., 2005, рис.2, 1). Отмечена эта композиция и среди находок из Херсонеса (Романчук А.И., 2003, с.44, табл.26, 67), причем относится она к раннему периоду существования производства в Крыму (Дмитриенко М.В., Масловский А.Н., 2006, рис.3, 2). Изделия из Азака также относятся к раннему периоду местного производства. К раннему периоду относится тарелка, орнаментированная пояском, заполненным прямой клеткой (рис.17, 6). Прочие нерастительные орнаментальные композиции слишком фрагментарны (рис.17, 3, 4), чтобы сказать о них что-нибудь определенное.

Изделия с орнаментом в технике резерва очень немногочисленны (рис.18, 2, 3; 51, 1). Это собственно относится ко всей золотоордынской поливной керамике (Булатов Н.М., 1976, с.90). Отдельно следует сказать о чашах с изображением цветка лотоса в резерве (рис.18, 2; 48, 2). Такие изображения есть только на чашах с гофрированным венчиком, сама форма которого имитировала цветок. Аналогии имеются среди продукции городов Юго-Восточного Крыма. Изображение цветка лотоса достаточно характерно для продукции Нижнего Поволжья (Булатов Н.М., 1976, с.88, табл.3, 5). Однако в керамике Азака достаточно часты сосуды, где в общую композицию, выполненную при помощи сграффито, включены элементы в резерве (рис.11, 3; 12, 2).

Помимо основных элементов, составлявших орнаментальную композицию чаш с орнаментом сграффито и резерв, нужно кратко

описать вспомогательные орнаментальные элементы, которые обрамляли основную композицию. Эта часть орнамента была совсем не обязательна, и на очень многих сосудах она отсутствовала. На тарелках и блюдах этот вспомогательный пояс размещался на бортике, на чашах – на внешней стороне тулова. Наиболее частым элементом естественно являлись 1-3 прямые линии (рис.8, 3; 10, 2, 3, 5, 7; 11, 6; 12, 4, 5; 13, 1, 3; 14, 1, 2, 5; 15, 2, 6; 16, 1-3; 17, 1-2). Иногда они наносились на сосуд по спирали. Самым бросающимся в глаза вспомогательным элементом орнамента на чашах является “сельджукская цепь” (рис.9, 1, 6; 11, 1; 12, 2, 6, 8; 15, 1; 16, 4; 17, 5; 18, 3). Использование сельджукской цепи также часто отмечается на керамике Крыма (Баранов И.А., Майко В.В., 1998, рис.1, 3). Отмечено использование для бортика тарелок растительного побега, закручивающегося в спираль (рис.11, 3), или цепочки кругов с заштрихованной сердцевинкой (рис.11, 4).

В единичных случаях наносились 1 линия фестонов, обращенных вниз (рис.8, 1) или одиночная волнистая линия между двух прямых (рис.11, 5). Также единичны пояса из групп вертикальных линий и одиночных спиралей (рис.13, 4) и мелких цветочных бутонов (рис.13, 5).

Отдел керамики с расцветкой пятнами коричневого цвета малочислен (рис.3, 3, 6; 18, 1-3; 50). Если не считать отдельных кувшинов 1-3 типов, то подобная орнаментация отмечена только на нескольких типах чаш. Некоторое распространение эта керамика получила в сер.XIV в., после исчезновения из обихода чаш производства городов Юго-Восточного Крыма с такой орнаментацией, которые в предшествующий хронологический отрезок занимали очень заметное место в комплексе поливной керамики Азака. Даже в короткий период их бытования местные сосуды с такой орнаментацией составляли очень небольшой (менее 1%) процент всех изделий.

Как уже было сказано, для 2-й пол.XIV в. сосуды открытых форм с подглазурной росписью ангобом составляли весьма значительную долю всего комплекса местной поливной керамики. До некоторой степени именно они являются отличительной особенностью местной поливной керамики. Несмотря на обилие

находок, объясняемое тем, что комплексы 3-й четв. XIV в. в Азаке наиболее богаты, разнообразие орнаментации, в целом, невелико. Большинство сосудов с росписью ангобом покрыто глазурью зеленого цвета. Морфологической особенностью чаш этого отдела является частое наличие врезного желобка вокруг центрального медальона. На большинстве сосудов роспись нанесена толстой кисточкой. Исключения немногочисленны (рис. 19, 6; 21, 1, 8, 9).

1 серия (рис. 19, 1-6; 52, 2; 57, 2; 58, 2; 59, 2). Наиболее многочисленна серия чаш с изображением вихревой многоярусной розетки. В центре композиции – маленький кружок или крупная точка. Лепестки мелкие, каплевидные, в свою очередь, являющиеся до предела стилизованными фигурками ныряющих рыбок. Розетки имеют 4-5 ярусов лепестков, с чередующимся направлением наклона. Вихревые розетки из запятых часто встречается на золотоордынских памятниках. Аналогии мотиву есть в поливной керамике Закавказья (Булатов Н.М., 1976, с.80; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.124). Предполагается, что мотив заимствован с кашинной керамики (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.124). Среди чаш с росписью ангобом производства Юго-Восточного Крыма они составляют абсолютное большинство (Дмитриенко М.В., 2006, рис.3, 2).

2 серия (рис.20, 1-5, 7; 22, 1, 4; 53, 2; 55, 1; 56, 1; 57, 1; 59, 1; 60, 1). Центр композиции занимает вихревая розетка. Вокруг него расположен широкий пояс с псевдоэпиграфическим(?) орнаментом.

3 серия (рис.20, 6; 56, 2). Редким, усложненным вариантом предыдущей серии является композиция, аналогичная предыдущей, с дополнительным внешним рядом каплевидных лепестков.

4 серия (рис.19, 7; 21, 1, 2; 58, 1). В центре расположена вихревая розетка. Вокруг нее выписана крупная розетка – во все поле. В деталях эти изделия очень вариабельны, и в дальнейшем их удастся разделить на несколько серий.

5 серия (рис.22, 2, 3; 53, 1; 60, 2). В центре расположена вихревая розетка, оконтуренная концентрической окружностью. Остальная часть поля разделена парными прямыми на

6-8 секторов, в каждый из которых вписано стилизованное изображение дерева.

6 серия (рис.60, 4). В центре расположена вихревая розетка. Вокруг размещен орнамент из вертикальных и пересекающихся дуговидных линий.

7 серия (рис.19, 6; 60, 3). Все орнаментальное поле занимает крупная розетка с удлиненными лепестками, выделенными двумя линиями. Сердцевины лепестков выделены кривой сеткой. Между двух линий контура – ряд точек. В промежутки, между лепестков, вписаны спирали. По бортику блюда – пояс из сельджукской цепи, оконтуренный прямыми линиями.

Серии, в которых основу составляет не вихревая розетка, малочисленны и составляют только небольшую долю в массиве керамики с росписью ангобом.

8 серия (рис.21, 4, 5; 54, 2). Орнаментальное поле разделено прямыми линиями на сектора.

9 серия (рис.21, 6). Орнаментальная схема предыдущей серии дополнена волнистыми линиями и точками, вписанными в сектора.

10 серия (рис.21, 3; 54, 1). Центральную часть здесь занимает шестиконечная звезда с кружком в центре и точками в уголках и между уголков – снаружи. На верхней части тулова – два узкие пояса, ограниченные прямыми линиями. В одном из них – цепочка колец, во втором – “скобки”. Это наиболее поздняя серия среди сосудов с росписью ангобом. Она получает распространение только в период правления Тохтамыша.

11 серия (рис.21, 8; 55, 2). Выделенный одиночной линией центральный медальон разделен на четыре сектора, в каждый из которых вписан крестик и три точки. Вокруг размещен орнамент из вертикальных и пересекающихся дуговидных линий.

12 серия (рис.21, 9; 52, 1). Все орнаментальное поле заполнено плотно расположенными небольшими кольцами.

Есть также значительное количество фрагментарного материала (рис.21, 7), который показывает, что число серий сосудов с росписью ангобом, выпускавшихся местными гончарами, было значительно больше.

На внешней стороне чаш орнаментация ограничена следующими элементами: прямыми

ми линиями, косыми линиями с вписанными в каждый треугольник точками, рядом каплевидных лепестков.

Роспись ангобом, произведенная в Азаке, за исключением многоярусной вихревой розетки, не находит аналогий среди опубликованных материалов из раскопок городов Нижнего Поволжья (Булатов Н.М., 1976, с.79-81, табл. II; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.124). То же можно сказать и относительно городов Юго-Восточного Крыма.

Особняком стоят чаши с глазурью, нанесенной по черепку (рис.61). Несмотря на кажущуюся примитивность, данные изделия нельзя считать просто самой дешевой продукцией. В действительности эти чаши имитировали венецианскую поливную керамику, которая перестала поступать в Азак около сер. XIV в. Местные мастера постарались скопировать одну особенность венецианских изделий. У них в нижней части тулова имеется угловатый перелом контура тулова. Гончары Азака имитировали эту деталь, выделяя центральный медальон врезным желобком.

При рассмотрении орнаментации поливной керамики, произведенной в Азаке, нельзя не констатировать, что в целом она не выделяется своей стилистикой среди продукции других производственных центров. Меньше отмечено зооморфных сюжетов, не получили распространения абстрактно-геометрические мотивы, многочисленные на сосудах, изготовленных в Каффе. Более своеобразна керамика с росписью ангобом. Имеются значительные колебания в доле отдельных серий

сосудов в общем массиве орнаментированной керамики по сравнению с другими городами Золотой Орды. Отмеченные стилистические особенности в действительности меньше, чем вариабельность орнаментации внутри групп керамики, произведенных в одном конкретном центре. А с учетом того, что для исследователей доступен ничтожный процент находок, нельзя не признать стилистического единообразия золотоордынской поливной керамики.

Говоря же о влияниях на орнаментацию керамики Азака других центров, следует учитывать, что гончарное производство не представляло собой некоего анклава, а было лишь одним из прикладных искусств и имело те же стилевые особенности, и испытывало те же влияния, что и другие виды художественных ремесел Золотой Орды. Для сопоставления стиля изделий отдельных гончарных центров Золотой Орды нужны объемные публикации находок. Без этого все выводы исследователей будут весьма легковесными. В самом общем виде ответ на вопрос о том, производство каких именно регионов оказало наибольшее влияние на сложение декора золотоордынской поливной керамики, сформулирован Г.А.Федоровым-Давыдовым. По его мнению, основным было влияние Крыма и Закавказья, Византии, а, кроме того, Средней Азии (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.135-137). Нужно только отметить, что в Крыму в домонгольское время не существовало производства поливной керамики. Более же конкретного ответа на настоящий момент дать невозможно.

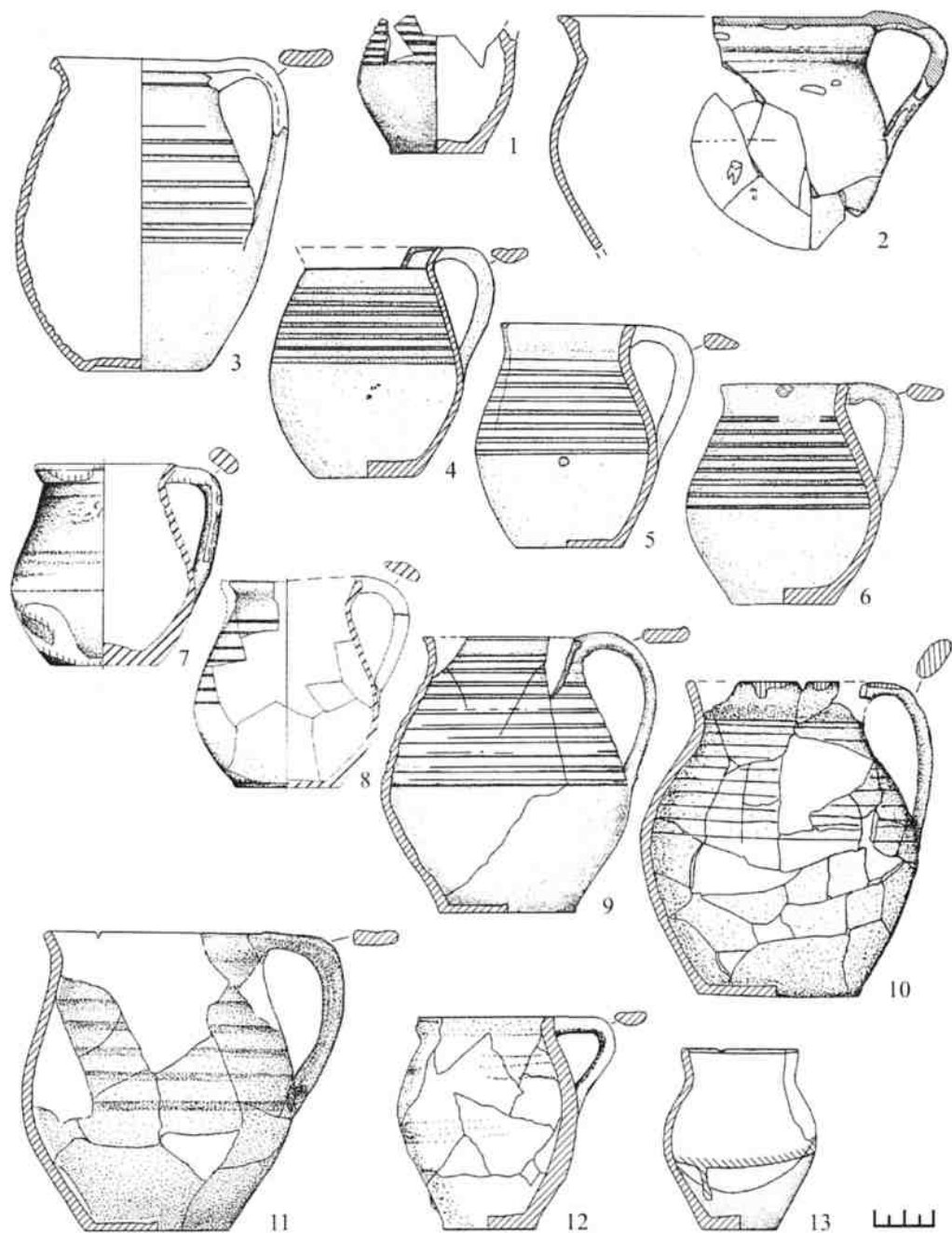

Рис. 2. Кружки (1, 4-8, 12), миска с ручкой (2), горшки (3, 9-11), миниатюрные сосуды (12, 13): 1, 7, 8 – ул.Московская, 7, Я-7 (1995); 2 – ул.Толстого, 67, Я-1 (2008); 3, 11 – ул.Толстого, 41, Я-71, 55 (2003); 4-6 – Петровская площадь, 12, Я-15 (2008); 9 – ул.Толстого, 41, Р-II, Я-39 (2001); 10 – ул.Дзержинского, 49, Я-3 (2008); 12 – ул.Ленина, 53, Я-50 (2007); 13 – ул.Толстого, Я-11 (1979). Раскопки И.В.Белинского (1, 7, 8), А.Н.Масловского (2-6, 9-12), В.В.Чалого (13).

Fig. 2. Mugs (1, 4-8, 12), a bowl with a handle (2), pots (3, 9-11), tiny vessels (12, 13): 1, 7, 8 – Moskovskaia street, 7, pit 7 (1995); 2 – Tolstogo street, 67, pit 1 (2008); 3, 11 – Tolstogo street, 41, pit 71, 55 (2003); 4-6 – Petrovskaia square, 12, pit 15 (2008); 9 – Tolstogo street, 41, P-II, pit 39 (2001); 10 – Dzerzhinskogo street, 49, pit 3 (2008); 12 – Lenina street, 53, pit 50 (2007); 13 – Tolstogo street, pit 11 (1979). Excavations of I.V.Belinskii (1, 7, 8), A.N.Maslovskii (2-6, 9-12), V.V.Chalvi (13)

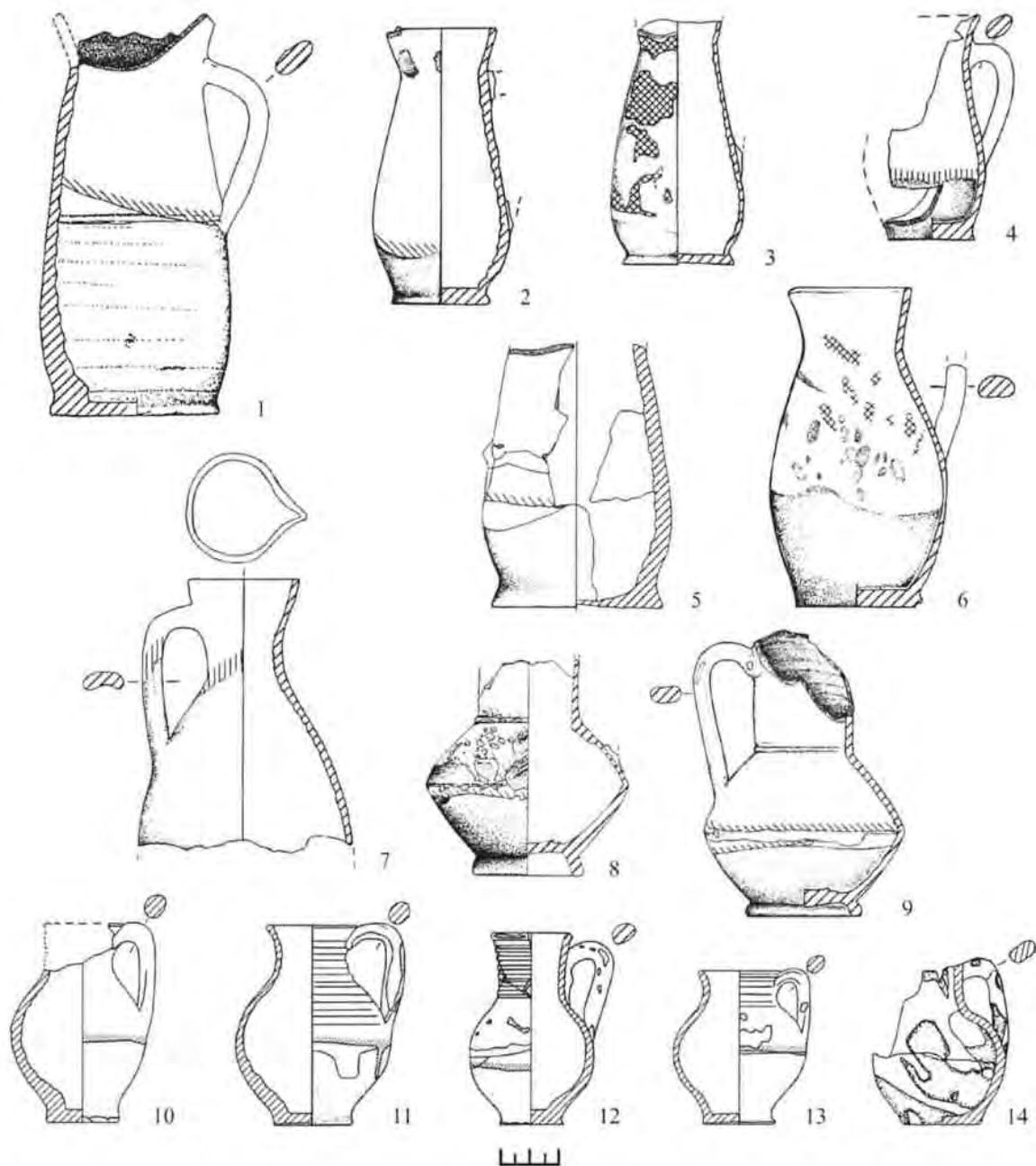

Рис. 3. Кувшины (1-9), миниатюрные кувшины (10-14): 1 – ул.Ленина, 53, Я-7 (2007); 2, 3, 6, 7 – ул.Чехова, 3, Р-II, Я-4, 7 (1997); 4 – ул.Московская, 7, Я-8 (1995); 5 – ул.Привокзальная, 12Б, Ж-7 (2008); 8 – ул.Суворова, 51, Я-7 (2008); 9 – пер. Красноармейский, 56, Я-11 (2002); 10 – ул.Мира, 64; 11 – пер. Социалистический, Я-1 (1975); 12 – ул.Макаровского, 19А, Я-1 (2008); 13 – ул.Ленинградская, Я-5 (1981); 14 – ул.Дзержинского, 49, Я-3 (2008). Раскопки А.Н.Масловского (1, 5, 8, 9, 12, 14), И.В.Белинского (2-4, 6, 7), В.В.Чалого (10, 13), Н.М.Фомичева (11).

Fig. 3. Jugs (1-9), tiny jugs (10-14): 1 – Lenina street, 53, pit 7 (2007); 2, 3, 6, 7 – Chekhova street, 3, P-II, pit 4, 7 (1997); 4 – Moskovskaia street, 7, pit 8 (1995); 5 – Privokzalnaia street, 12B, Ж-7 (2008); 8 – Suvorova street, 51, pit 7 (2008); 9 – Krasnoarmeiskii lane, 56, pit 11 (2002); 10 – Mira street, 64; 11 – Sotsialisticheskii lane, pit 1 (1975); 12 – Makarovskogo street, 19A, pit 1 (2008); 13 – Leningradskaia street, pit 5 (1981); 14 – Dzerzhinskogo street, 49, pit 3 (2008). Excavations of A.N.Maslovskii (1, 5, 8, 9, 12, 14), I.V.Belinskii (2-4, 6, 7), V.V.Chalyi (10, 13), N.M.Fomichiov (11)

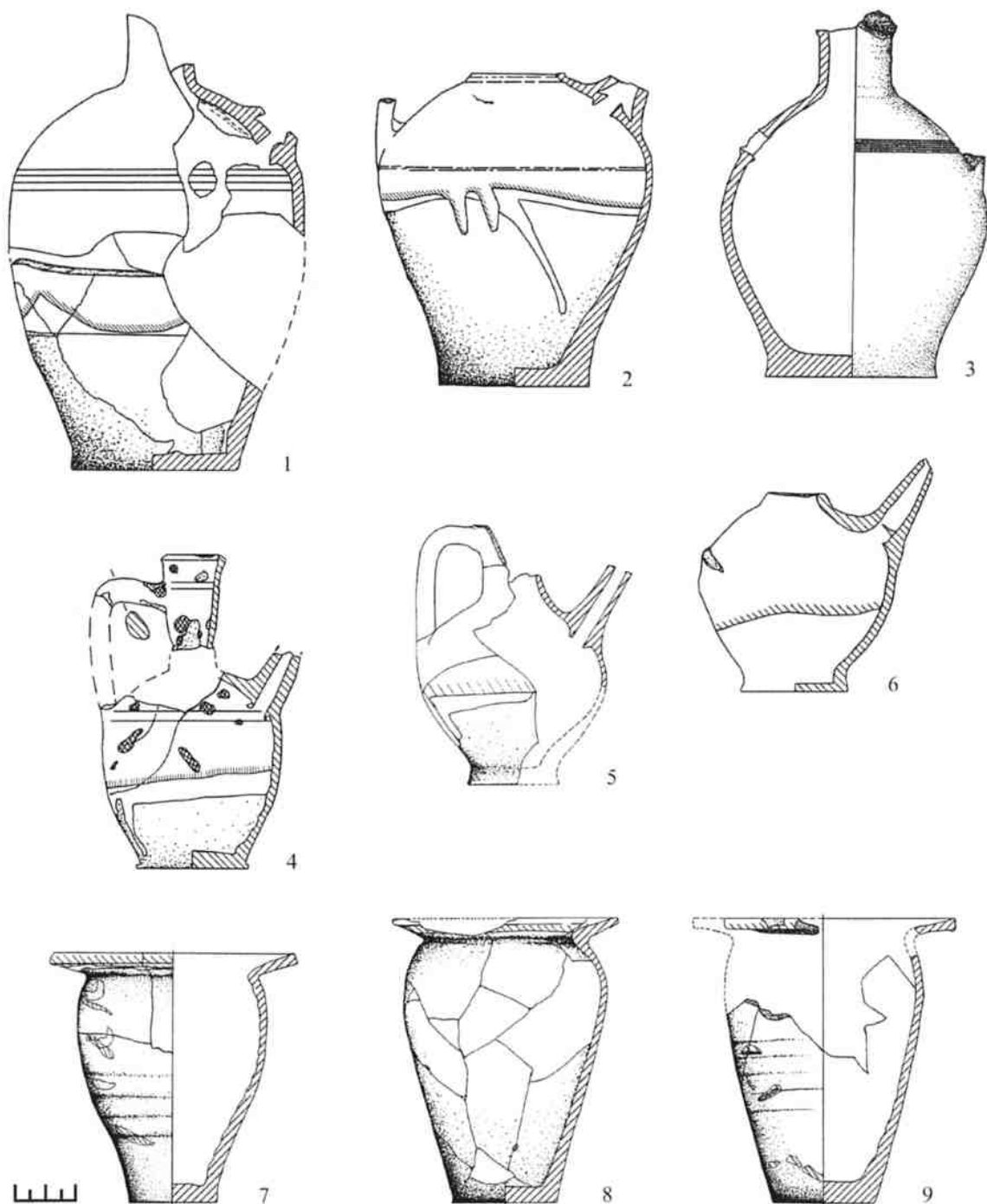

Рис. 4. Афтобы (1-6), туваки (7-9): 1, 4 – ул. Кондаурова, 1А, Я-1 (2008); 2 – ул. Щорса, 7, Я-6 (2007); 3 – ул. Ленина, 46, Р-II, Я-22А (2004); 5, 8 – ул. Толстого, 67, Я-21 (2008); 6 – пер. Социалистический, Я-1 (1975); 7 – ул. К. Либкнехта, 13, Я-22 (2009); 9 – ул. Привокзальная, 12Б, Я-49 (2008). Раскопки Э.Б. Широченко (1, 4, 7), А.Н. Масловского (2, 3, 5, 8, 9), Н.М. Фомичева (6).

Fig. 4. Aftobas (1-6), tuvaks (7-9): 1, 4 – Kondaurova street, 1A, pit 1 (2008); 2 – Shchorsa street, 7, pit 6 (2007); 3 – Lenina street, 46, P-II, pit 22A (2004); 5, 8 – Tolstogo street, 67, pit 21 (2008); 6 – Sotsialisticheskii lane, pit 1 (1975); 7 – K. Libknekhta street, 13, pit 22 (2009); 9 – Privokzalnaia street, 12B, pit 49 (2008). Excavations of E.B. Shirochenko (1, 4, 7), A.N. Maslovskii (2, 3, 5, 8, 9), N.M. Fomichiov (6)

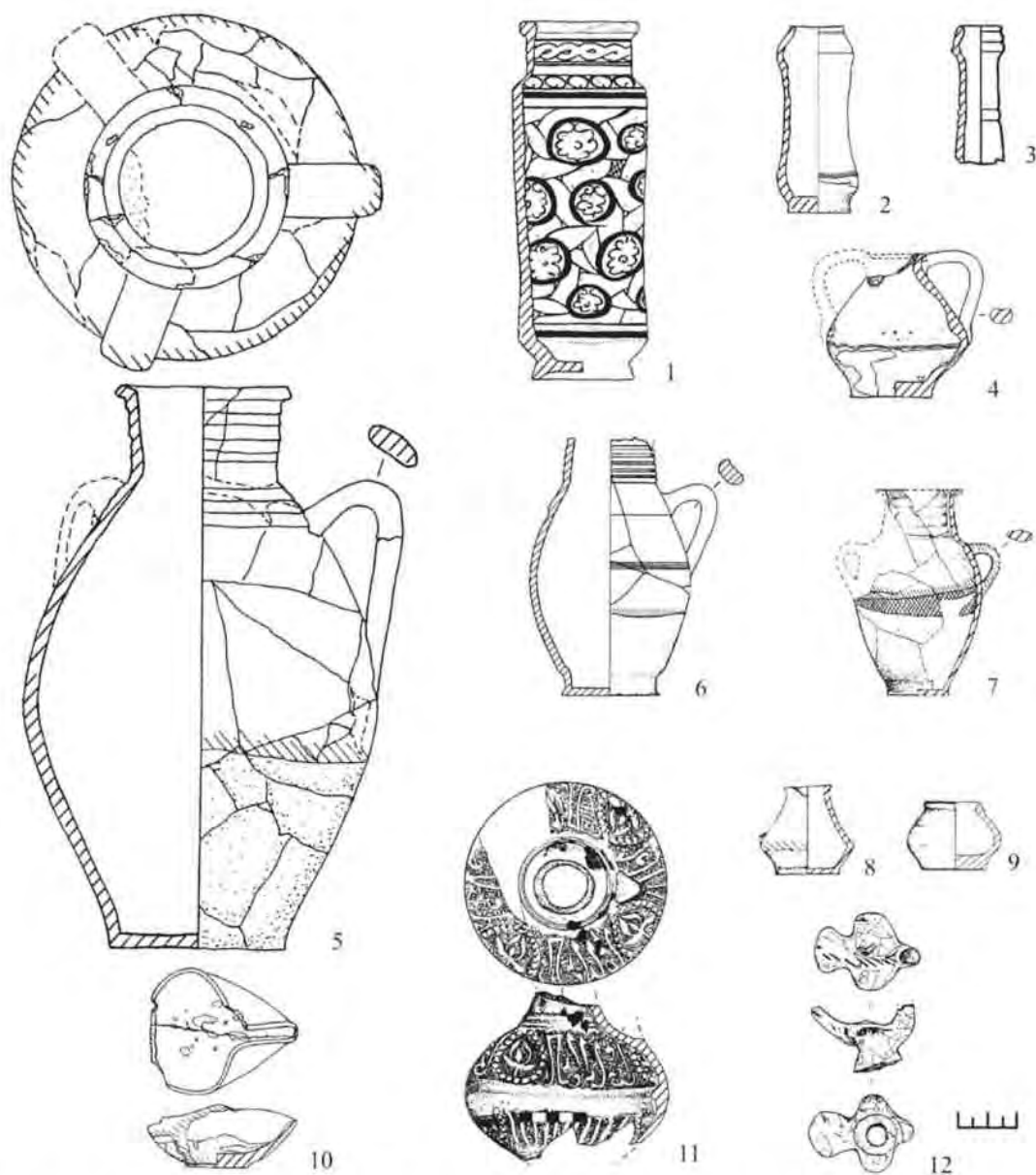

Рис. 5. Альбарелло (1, 2), подсвечник (3), миниатюрные сосуды (4, 8, 9), аптечные амфоры (5-7), светильник (10), кувшин (11), игрушка (12): 1 – ул.Ленина, 46, Р-II (2004); 2 – ул.Ленинградская, Я-15 (1981); 3, 5, 8, 12 – ул.Толстого, 41, Я-87, 83, 71 (2003); 4 – ул.Мира, 35А, Ж-2 (2002); 6 – ул.Ленинградская, Р-III, Я-49 (1984); 7 – ул.К.Либкнехта, Р-I, Я-5 (1985); 9 – ул.Толстого, 41, Ж-18, Я-А (2000); 10 – ул.Московская, 4, Я-8 (2005); 11 – ул.Московская, 7, Я-4 (1995); 12 – ул.Толстого, 41, Р-II, кв. 7Д, шт.5 (2001). Раскопки А.Н.Масловского (1, 3-5, 8, 10, 12), В.В.Чалого (2, 6), И.В.Белинского (7, 9, 11).

Fig. 5. An albarello (1, 2), a candlestick (3), tiny vessels (4, 8, 9), pharmaceutical amphorae (5-7), a lamp (10), a jug (11), a toy (12): 1 – Lenina street, 46, P-II (2004); 2 – Leningradskaia street, pit 15 (1981); 3, 5, 8, 12 – Tolstogo street, 41, pit 87, 83, 71 (2003); 4 – Mira street, 35A, Ж-2 (2002); 6 – Leningradskaia street, P-III, pit 49 (1984); 7 – K.Libknekhta street, P-I, pit 5 (1985); 9 – Tolstogo street, 41, Ж-18, pit A (2000); 10 – Moskovskaia street, 4, pit 8 (2005); 11 – Moskovskaia street, 7, pit 4 (1995); 12 – Tolstogo street, 41, P-II, sq. 7Д, spade depth 5 (2001). Excavations of A.N.Maslovskii (1, 3-5, 8, 10, 12), V.V.Chalyi (2, 6), I.V.Belinskii (7, 9, 11)

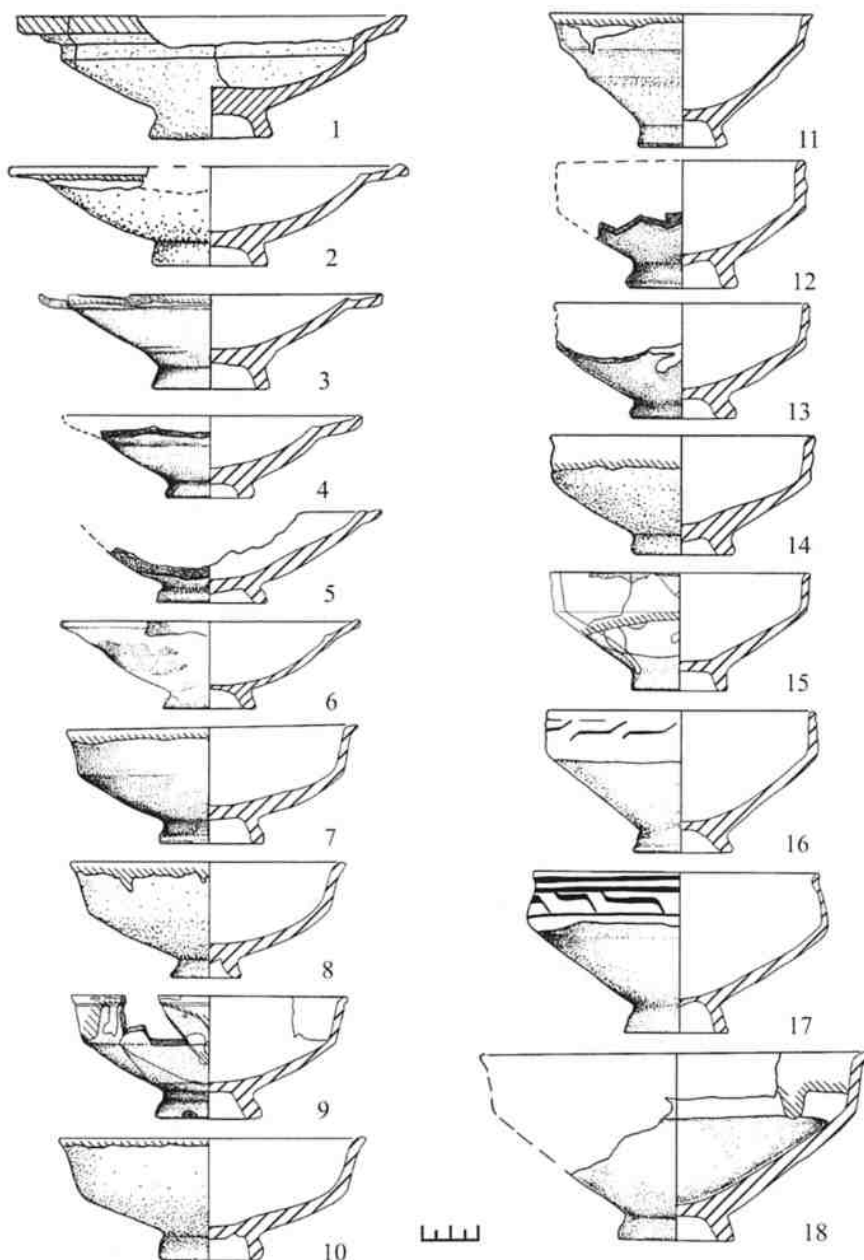

Рис. 6. Блюда (1, 2), тарелки (3-6), чаши (7-17), большие чаши (18): 1 – Петровская площадь 12, Я-15 (2008); 2 – ул.Ленина, 46, Р-II, Я-39 (2004); 3, 9, 15 – ул.Привокзальная, 12Б, Я-2, Ж-1, я-46 (2008); 4, 5, 7, 8, 10, 12-14 – ул.Московская, 7, Я-5, 27, 5, 25, 3, 19, 20 (1995); 6 – ул.Макаровского, 15, кв.10Е, шт.2 (1993); 11 – ул.Толстого, 74, Я-3Б (2003); 16, 17 – ул.Московская, 7, сл. находка, Я-13 (1995); 18 – ул.Чехова, 3, Я-4 (1997). Раскопки А.Н.Масловского (1-3, 9, 11, 15), И.В.Белинского (4, 5, 7, 8, 10, 12-14, 16-18), И.В.Гудименко (6).

Fig. 6. Dishes (1, 2), plates (3-6), bowls (7-17), big bowls (18): 1 – Petrovskaia square, 12, pit 15 (2008); 2 – Lenina street, 46, P-II, pit 39 (2004); 3, 9, 15 – Privokzalnaia street, 12B, pit 2, Ж-1, pit 46 (2008); 4, 5, 7, 8, 10, 12-14 – Moskovskaia street, 7, pit 5, 27, 5, 25, 3, 19, 20 (1995); 6 – Makarovskogo street, 15, sq. 10E, spade depth 2 (1993); 11 – Tolstogo street, 74, pit 3B (2003); 16, 17 – Moskovskaia street, 7, occasional find, pit 13 (1995); 18 – Chekhova street, 3, pit 4 (1997). Excavations of A.N.Maslovskii (1-3, 9, 11, 15), I.V.Belinskii (4, 5, 7, 8, 10, 12-14, 16-18), I.V.Gudimenko (6)

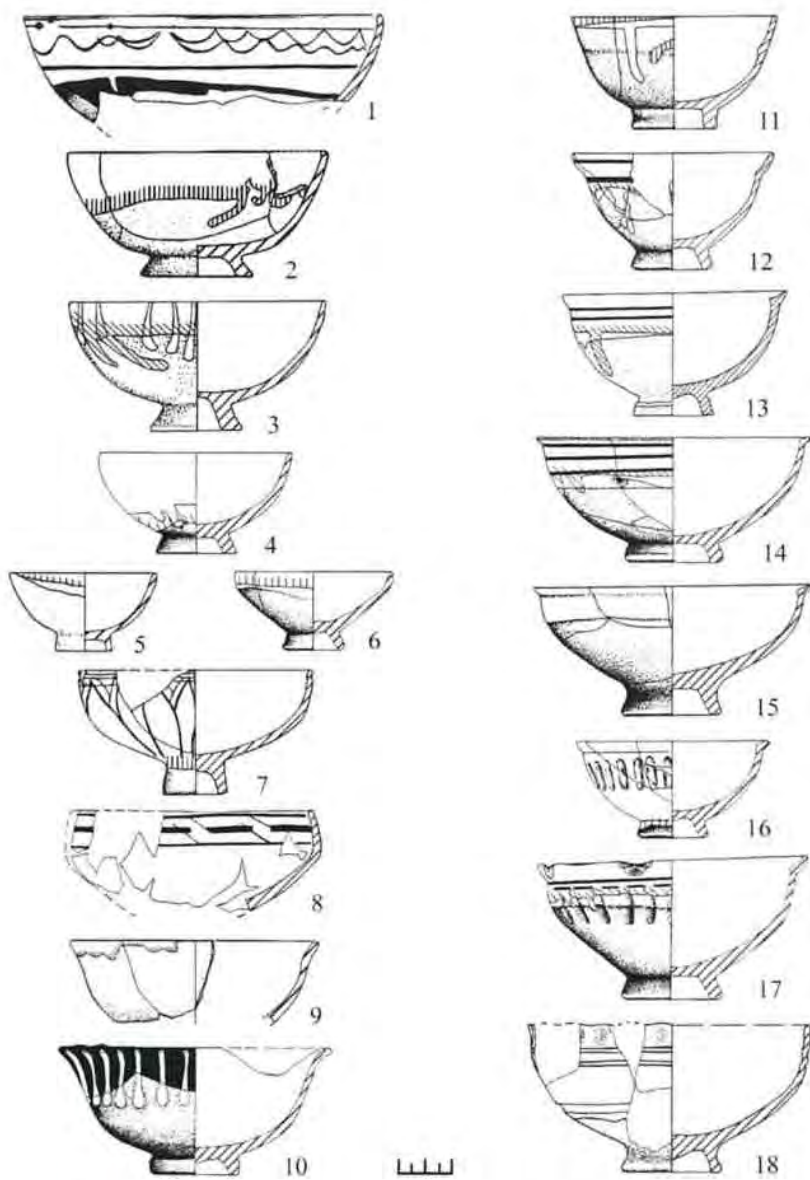

Рис. 7. Большие чаши (1), чаши (2-4, 7-18), чашечки (5, 6): 1 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-4 (1997); 2, 9 – ул. Толстого, 67, Я-4, 6А (2008); 3, 4, 7, 18 – ул. Толстого, 41, Я-83 (2003); 5 – ул. Толстого, 28, Я-2 (1994); 6 – ул. Чехова, 3, котл. Я-13 (1990); 8 – ул. Макаровского, 7, Я-3 (1998); 10 – Парк, Я-1 (1978); 11, 12 – ул. Привокзальная, 12Б, Я-46, 50 (2008); 13 – ул. Пирогова, 11, Я-9 (2006); 14 – ул. Ленинградская, Я-49 (1984); 15 – ул. Чехова, Дом быта, Я-5 (1975); 16 – ул. Мира, 45 (2007); 17 – пер. Социалистический, I, Я-14 (1979). Раскопки И.В.Белинского (1), А.Н.Масловского (2-4, 8, 9, 11-13, 16), И.В.Гудименко (5), А.Л.Бойко (6), Н.М.Фомичева (10, 15), В.В.Чалого (14, 17).

Fig. 7. Big bowls (1), bowls (2-4, 7-18), little cups (5, 6): 1 – Chekhova street, 3, P-II, pit 4 (1997); 2, 9 – Tolstogo street, 67, pit 4, 6A (2008); 3, 4, 7, 18 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003); 5 – Tolstogo street, 28, pit 2 (1994); 6 – Chekhova street, 3, котл. pit 13 (1990); 8 – Makarovskogo street, 7, pit 3 (1998); 10 – Park, pit 1 (1978); 11, 12 – Privokzalnaia street, 12B, pit 46, 50 (2008); 13 – Pirogova street, 11, pit 9 (2006); 14 – Leningradskaiia street, pit 49 (1984); 15 – Chekhova street, Consumer services centre, pit 5 (1975); 16 – Mira street, 45 (2007); 17 – Sotsialisticheskii lane, I, pit 14 (1979). Excavations of I.V.Belinskii (1), A.N.Maslovskii (2-4, 8, 9, 11-13, 16), I.V.Gudimenko (5), A.L.Boiko (6), N.M.Fomichiov (10, 15), V.V.Chalyi (14, 17)

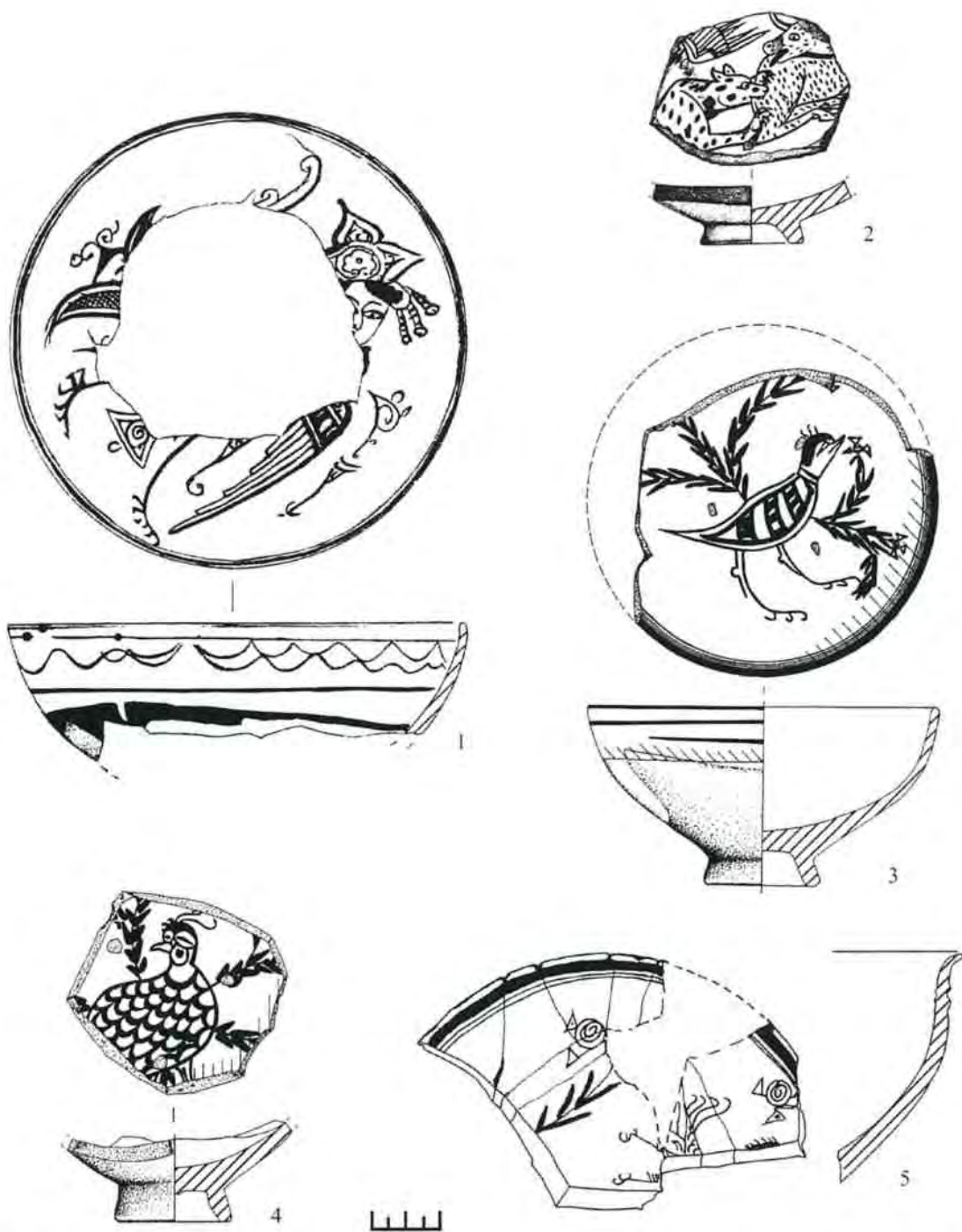

Рис. 8. Сосуды с орнаментом сграффито (зооморфные сюжеты). Большие чаши (1, 5), чаши (2-4): 1 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-4 (1997); 2 – ул. Московская, 7, Я-4 (1995); 3 – Парк, Я-3 (1985); 4 – ул. Ленина, 72, Я-8 (2011); 5 – ул. Толстого, 41, Я-83 (2003). Раскопки И.В.Белинского (1-2), И.В.Волкова (3), А.Н.Масловского (4-5).

Fig. 8. Vessels with a sgraffito decoration (zoomorphic motifs). Big bowls (1, 5), bowls (2-4): 1 – Chekhova street, 3, P-II, pit 4 (1997); 2 – Moskovskaia street, 7, pit 4 (1995); 3 – Park, pit 3 (1985); 4 – Lenina street, 72, pit 8 (2011); 5 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003). Excavations of I.V.Belinskii (1-2), I.V.Volkov (3), A.N.Maslovskii (4-5)

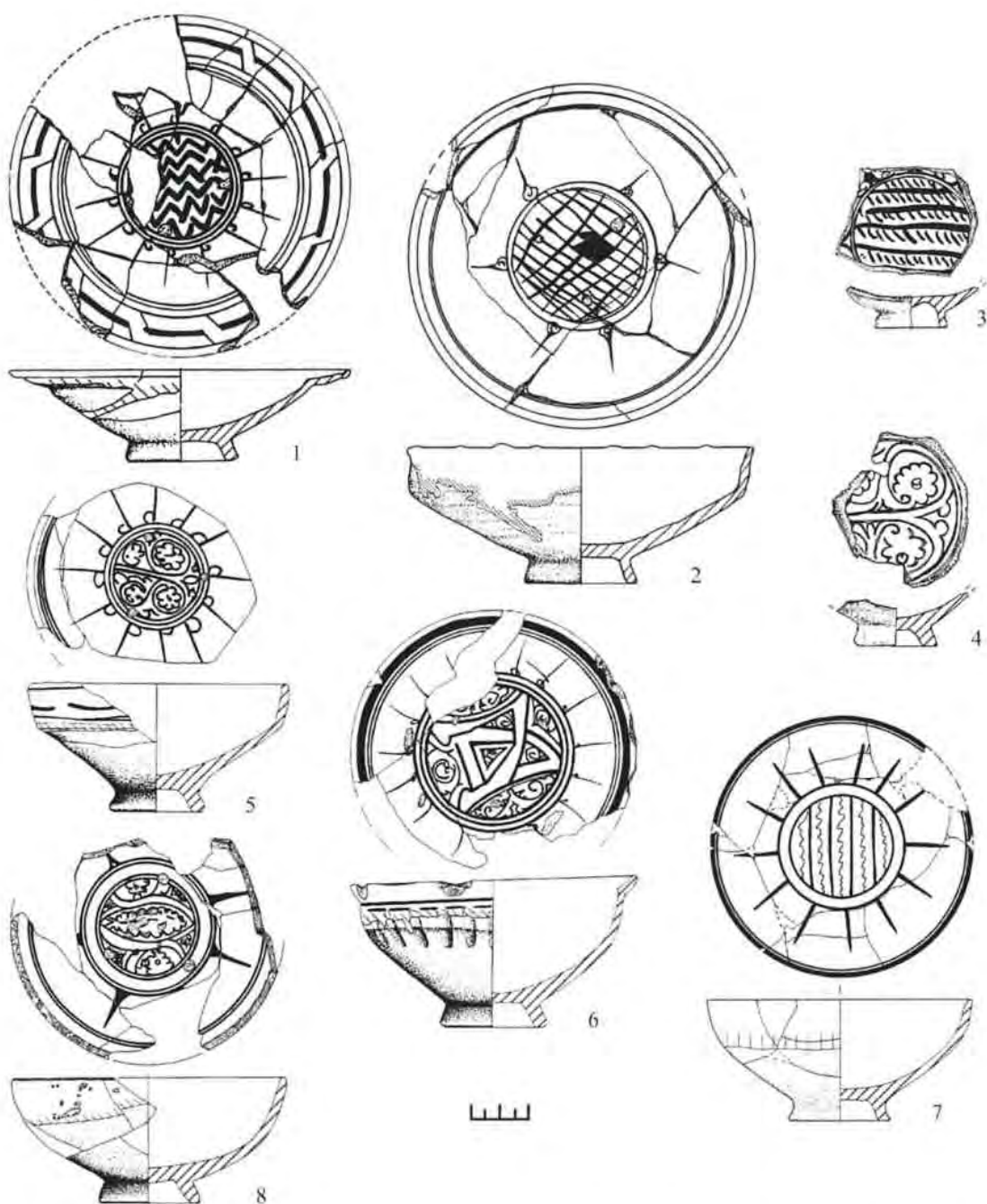

Рис. 9. Сосуды с орнаментом сграффито (растительные орнаменты). Тарелка (1), чаши (2-8): 1 – ул. Привокзальная, 12Б, Я-28 (2008); 2 – ул. Измайлова, 38-40 (2000); 3, 4 – ул. Московская, 7, Я-5, 10 (1995); 5, 6 – пер. Социалистический, 1, Ж-1, Я-14 (1979); 7 – ул. Толстого, 70, Я-7 (2005); 8 – ул. Ленинградская, 29, кв. 1, шт. 11 (1994). Раскопки А.Н. Масловского (1), И.В. Гудименко (2, 8), И.В. Белинского (3, 4), В.В. Чалого (5, 6), М.В. Дмитриенко (7).

Fig. 9. Vessels with the sgraffito decoration (plant ornaments). A plate (1), bowls (2-8): 1 – Privokzalnaia street, 12B, pit 28 (2008); 2 – Izmaylova street, 38-40 (2000); 3, 4 – Moskovskaia street, 7, pit 5, 10 (1995); 5, 6 – Sotsialisticheskii lane, 1, Zh-1, pit 14 (1979); 7 – Tolstogo street, 70, pit 7 (2005); 8 – Leningradskaia street, 29, sq. 1, spade depth 11 (1994). Excavations of A.N. Maslovskii (1), I.V. Gudimenko (2, 8), I.V. Belinskii (3, 4), V.V. Chalvi (5, 6), M.V. Dmitriyenko (7)

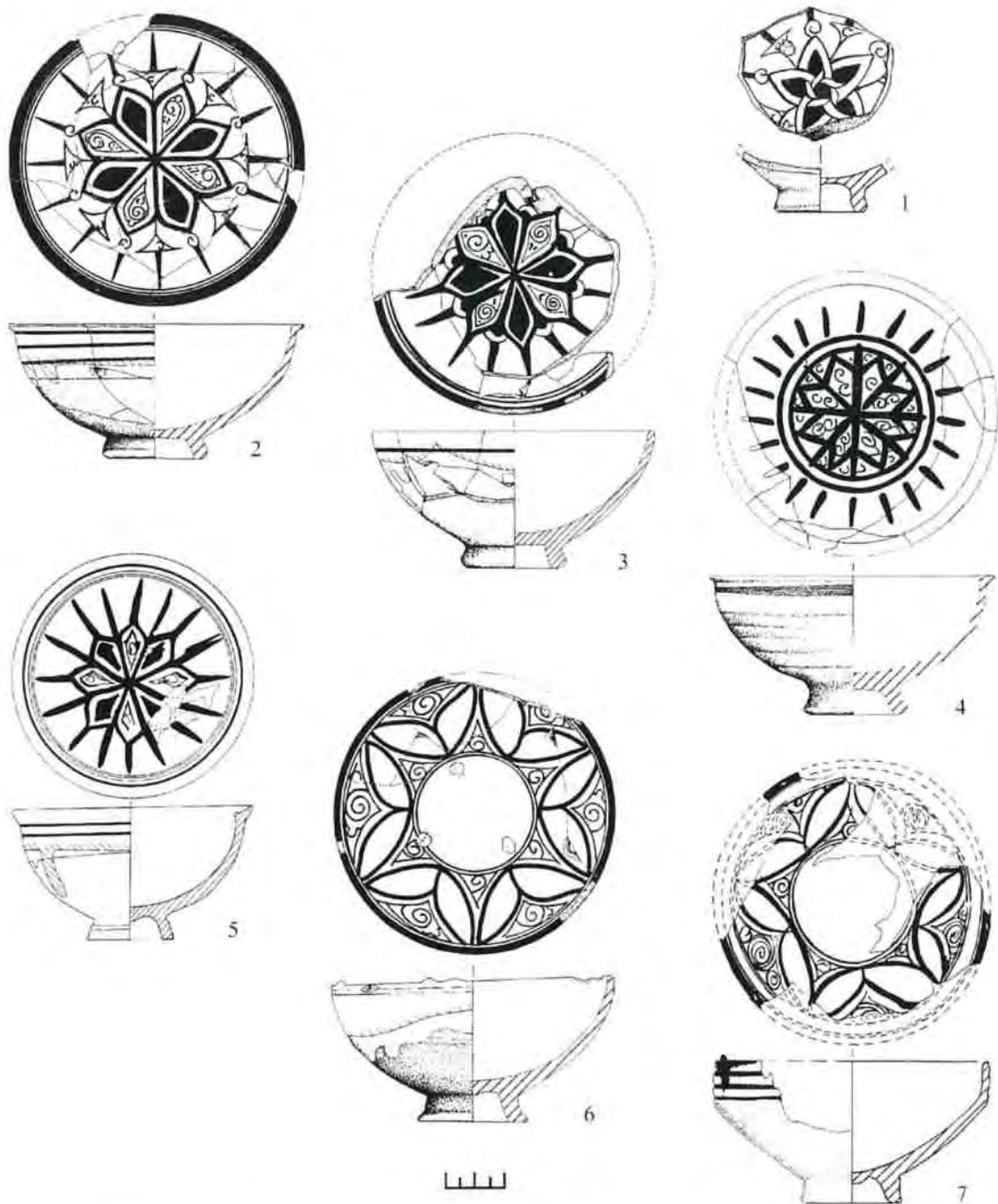

Рис. 10. Сосуды с орнаментом сграффито. Чаши: 1 – ул.Московская, 7, Я-6 (1995); 2 – ул.Ленинградская, Я-49 (1984); 3 – пер. Красноармейский, 88Б, Я-10 (2008); 4 – ул.Чехова, Дом быта, Я-5 (1975); 5 – ул.Пирогова, 11, Я-9 (2006); 6 – ул.Ленинградская, 29, Я-11 (1994); 7 – ул.Чехова, 3, Р-II, Я-7 (1997). Раскопки И.В.Белинского (1, 7), В.В.Чалого (2), А.Н.Масловского (3, 5), Н.М.Фомичева (4), И.В.Гудименко (6).

Fig. 10. Vessels with the sgraffito decoration. Bowls: 1 – Moskovskaia street, 7, pit 6 (1995); 2 – Leningradskaia street, pit 49 (1984); 3 – Krasnoarmeiskii lane, 88B, pit 10 (2008); 4 – Chekhova street, Consumer services centre, pit 5 (1975); 5 – Pirogova street, 11, pit 9 (2006); 6 – Leningradskaia street, 29, pit 11 (1994); 7 – Chekhova street, 3, P-II, pit 7 (1997). Excavations of I.V.Belinskii (1, 7), V.V.Chalyi (2), A.N.Maslovskii (3, 5), N.M.Fomichiov (4), I.V.Gudimenko (6)

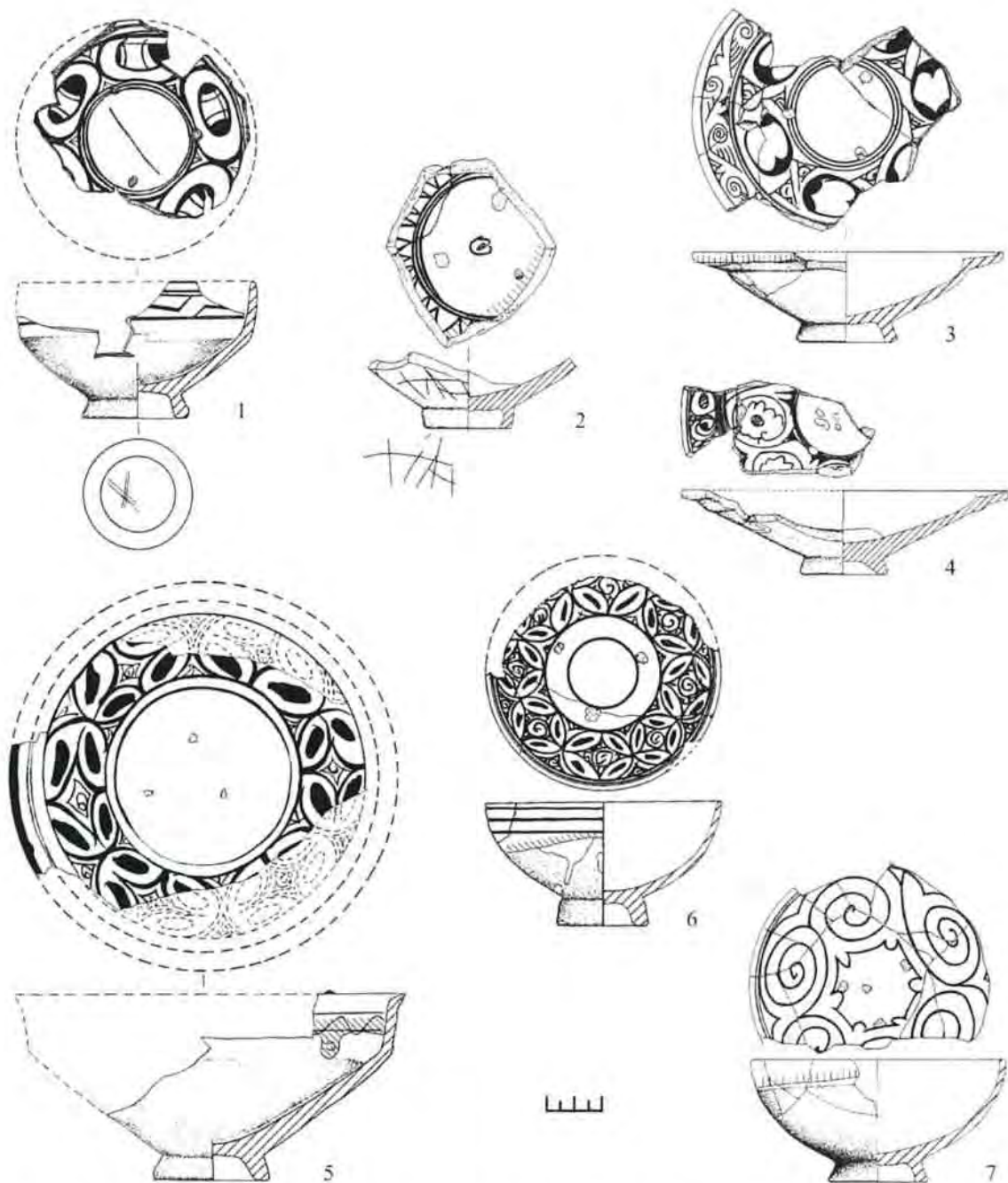

Рис. 11. Сосуды с орнаментом сграффито. Чаши (1, 2, 6, 7), тарелки (3, 4), большая чаша (5): 1 – ул.Московская, 7, Я-25 (1995); 2 – ШАС, Я-1 (2009); 3, 4 – ул.Привокзальная, 12Б, Я-49, Ж-4 (2008); 5 – ул.Чехова, 3, Р-II, Я-4 (1997); 6 – ул.Московская, 4, Я-8 (2005); 7 – пер.Социалистический, 1, Я-33 (1979). Раскопки И.В.Белинского (1, 5), С.А.Кравченко (2), А.Н.Масловского (3, 4, 6), В.В.Чалого (7).

Fig. 11. Vessels with the sgraffito decoration. Bowls (1, 2, 6, 7), plates (3, 4), a big bowl (5): 1 – Moskovskaia street, 7, pit 25 (1995); 2 – ШАС, pit 1 (2009); 3, 4 – Privokzalnaia street, 12B, pit 49, Ж-4 (2008); 5 – Chekhova street, 3, P-II, pit 4 (1997); 6 – Moskovskaia street, 4, pit 8 (2005); 7 – Sotsialisticheskii lane, 1, pit 33 (1979). Excavations of I.V.Belinskii (1, 5), S.A.Kravchenko (2), A.N.Maslovskii (3, 4, 6), V.V.Chalyi (7)

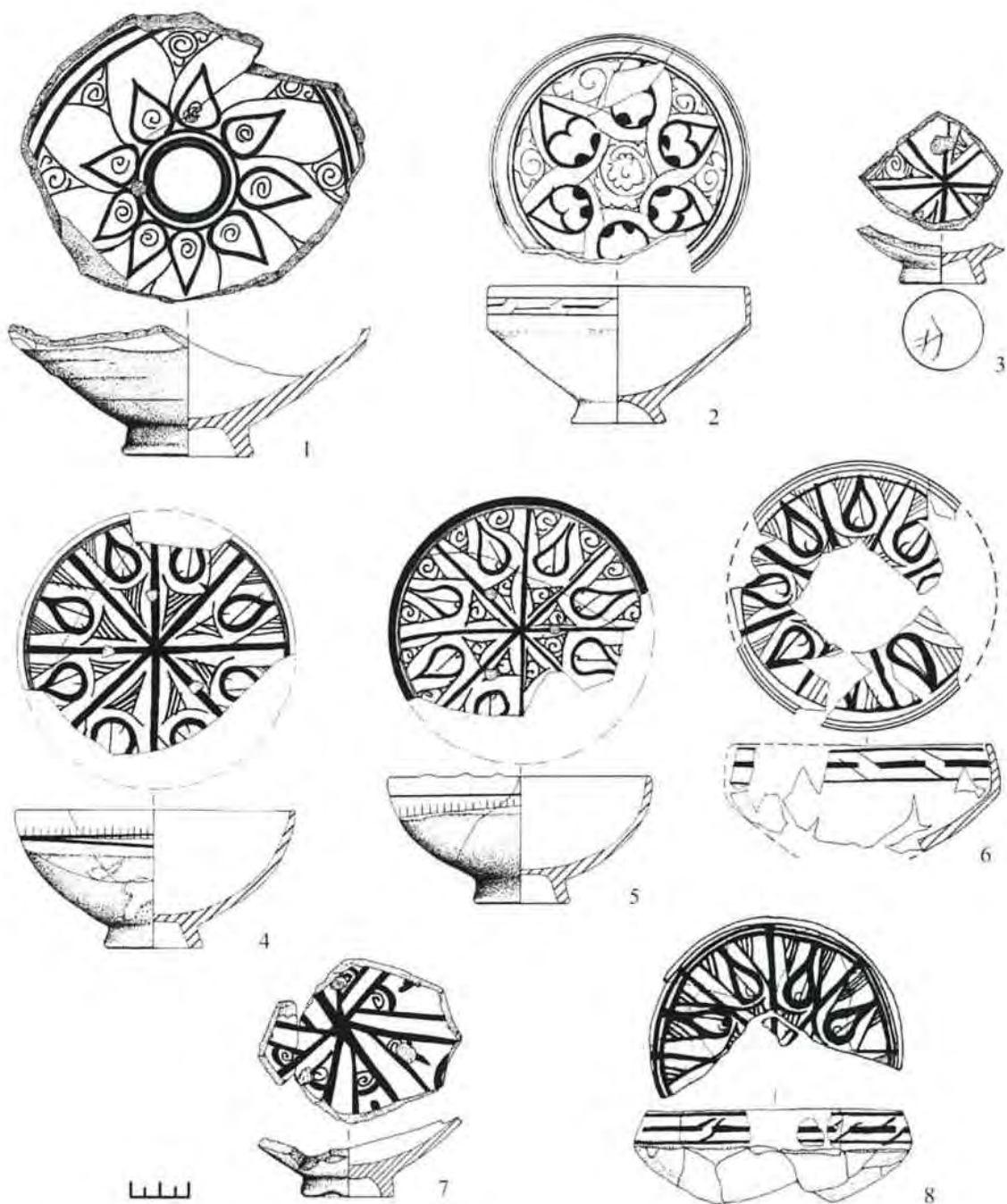

Рис. 12. Сосуды с орнаментом сграффито. Большая чаша (1), чаши (2-8): 1 – ул.Ленина, 46, Р-II, Я-6 (2003); 2, 3 – ул.Московская, 7, Я-6, 25 (1995); 4 – ул.Чехова, Я-2 (1984); 5 – ул.Московская, котлован, Я-2 (1975); 6 – ул.Макаровского, 7, Я-3 (1998); 7 – ул.Привокзальная, 12Б, Ж-6 (2008); 8 – ул.Кондаурова, 1А, Я-1(2008). Раскопки А.Н.Масловского (1, 6, 7), И.В.Белинского (2, 3), В.В.Чалого (4), Н.М.Фомичева (5).

Fig. 12. Vessels with the sgraffito decoration. A big bowl (1), bowls (2-8): 1 – Lenina street, 46, P-II, pit 6 (2003); 2, 3 – Moskovskaia street, 7, pit 6, 25 (1995); 4 – Chekhova street, pit 2 (1984); 5 – Moskovskaia street, a foundation ditch, pit 2 (1975); 6 – Makarovskogo street, 7, pit 3 (1998); 7 – Privokzalnaia street, 12B, Zh-6 (2008); 8 – Kondaurova street, 1A, pit 1 (2008). Excavations of A.N.Maslovskii (1, 6, 7), I.V.Belinskii (2, 3), V.V.Chalyi (4), N.M.Fomichiov (5)

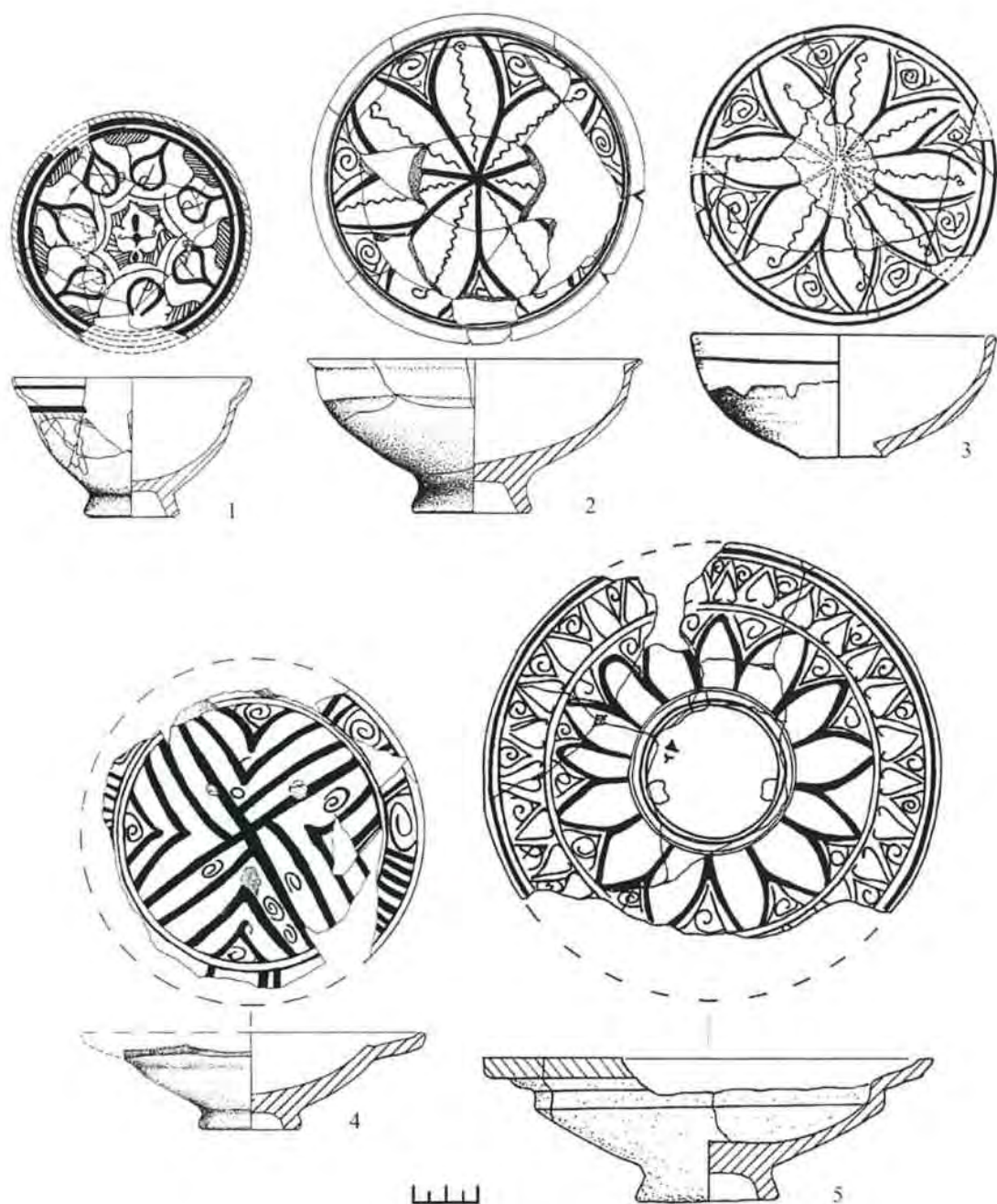

Рис. 13. Сосуды с орнаментом сграффито. Чаши (1-4), блюдо (5): 1 – ул. Привокзальная, 12Б, Я-50 (2008); 2, 3 – ул. Чехова, Дом быта, Я-5 (1975); 4 – ул. Московская, 7, Я-5 (1995); 5 – Петровская площадь 12, Я-15 (2008). Раскопки А.Н.Масловского (1, 5), Н.М.Фомичева (2-3), И.В.Белинского (4).

Fig. 13. Vessels with the sgraffito decoration. Bowls (1-4), a dish (5): 1 – Privokzalnaia street, 12B, pit 50 (2008); 2, 3 – Chekhova street, Consumer services centre, pit 5 (1975); 4 – Moskovskaia street, 7, pit 5 (1995); 5 – Petrovskaia square, 12, pit 15 (2008). Excavations of A.N.Maslovskii (1, 5), N.M.Fomichiov (2-3), I.V.Belinskii (4)

Рис. 14. Сосуды с орнаментом сграффито. Чаши (1-4), большая чаша (5): 1 – ул. Ленинградская, Я-25 (1981); 2 – ул. Дзержинского, 8, Р-I, Я-179 (2008); 3 – ул. Привокзальная, 12Б, Горн 2, Я-А (2008); 4 – ул. Толстого, 41, кв. 4И, шт. 6 (2001); 5 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-7 (1997). Раскопки В.В. Чалого (1), А.Н. Масловского (2-4), И.В. Белинского (5).

Fig. 14. Vessels with the sgraffito decoration. Bowls (1-4), a big bowl (5): 1 – Leningradskaja street, pit 25 (1981); 2 – Dzerzhinskogo street, 8, P-I, pit 179 (2008); 3 – Privokzalnaia street, 12B, Forge 2, pit A (2008); 4 – Tolstogo street, 41, sq. 4И, spade depth 6 (2001); 5 – Chekhova street, 3, P-II, pit 7 (1997). Excavations of V.V. Chalyi (1), A.N. Maslovskii (2-4), I.V. Belinskii (5)

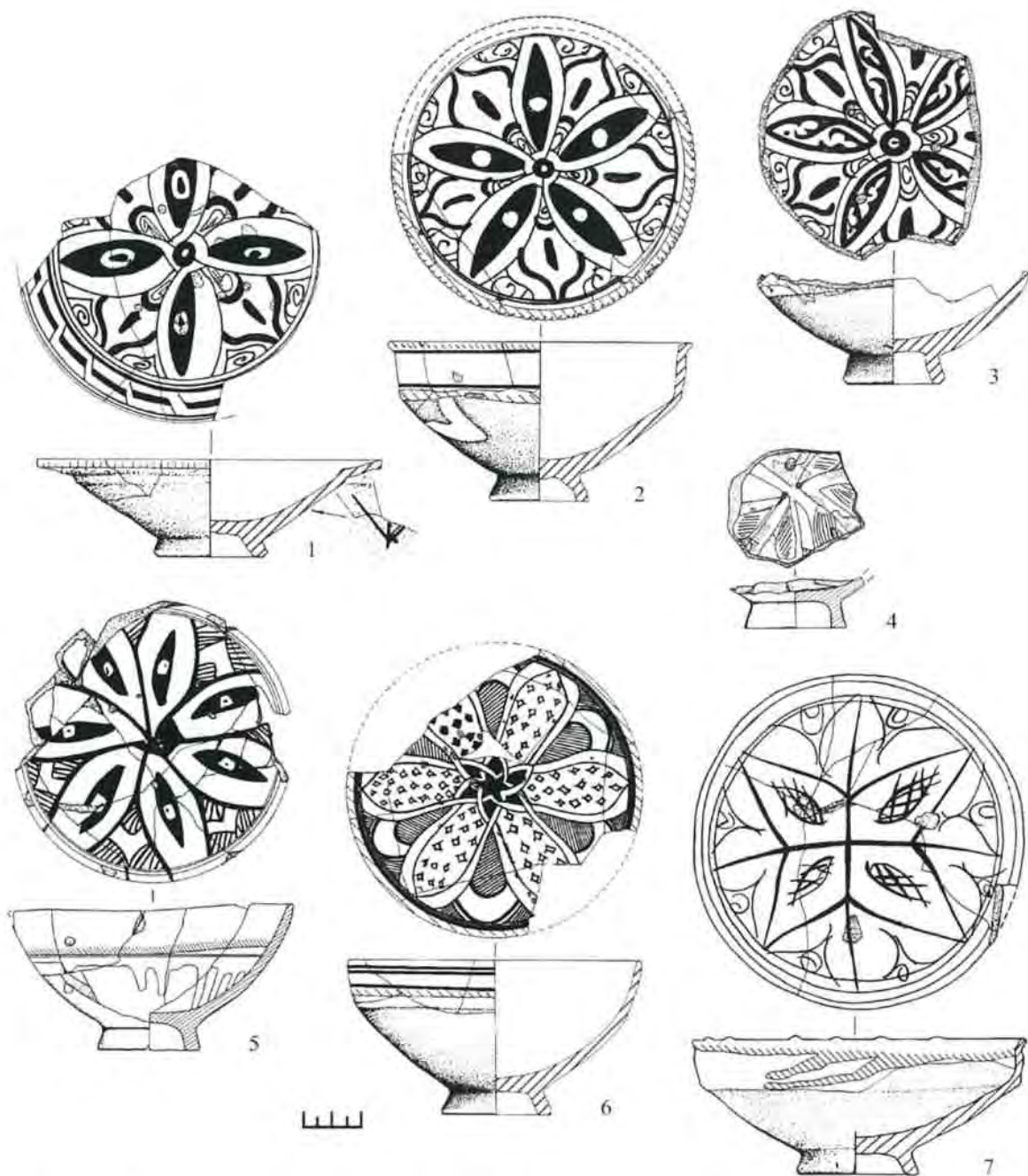

Рис. 15. Сосуды с орнаментом сграффито. Тарелка (1), чаши (2-7): 1 – ул. Мира, P-II, Я-6 (1973); 2 – ул. Чехова, 3, Я-21 (1990); 3 – пер. Социалистический, 1, Ж-1 (1979); 4, 5 – ул. Толстого, 67, Я-15, 8 (2008); 6 – ул. Ленинградская, 62, Я-42 (1984); 7 – ул. Измайлова, 38, Я-1 (2000). Раскопки Н.М.Булатова (1), А.Л.Бойко (2), В.В.Чалого (3, 6), А.Н.Масловского (4, 5), И.В.Гудименко (7).

Fig. 15. Vessels with the sgraffito decoration. A plate (1), bowls (2-7): 1 – Mira street, P-II, pit 6 (1973); 2 – Chekhova street, 3, pit 21 (1990); 3 – Sotsialisticheskii lane, 1, Ж-1 (1979); 4, 5 – Tolstogo street, 67, pit 15, 8 (2008); 6 – Leningradskaia street, 62, pit 42 (1984); 7 – Izmaylova street, 38, pit 1 (2000). Excavations of N.M.Bulatov (1), A.L.Boiko (2), V.V.Chalyi (3, 6), A.N.Maslovskii (4, 5), I.V.Gudimenko (7)

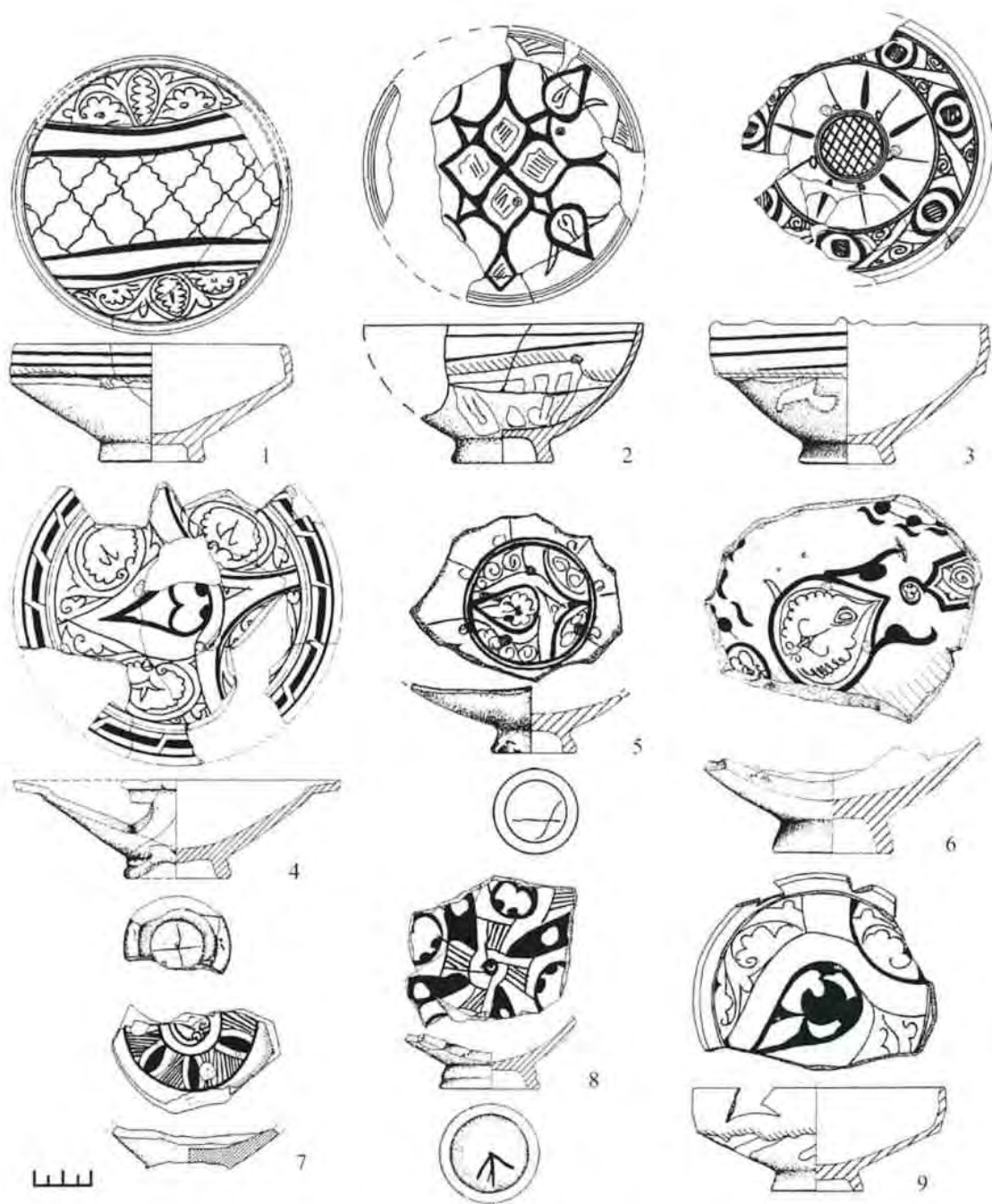

Рис. 16. Сосуды с орнаментом сграффито. Чаши (1-3, 5-9), тарелка (4): 1, 2, 4, 8 – ул.Привокзальная, 12Б, Я-46, 43, Ж-1, Я-43 (2008); 3 – ул.Ленина, 46, Р-II, Я-3 (2003); 5 – ул.Московская, 7, Я-24 (1995); 6 – Я-38 (1980); 7 – ул.Суворова, 51, кв.2В, ит.1 (2008); 9 – ул.Толстого, 71, траншея 1 (2007). Раскопки А.Н.Масловского (1-4, 7, 8), И.В.Белинского (5), В.В.Чалого (6), М.В.Дмитриенко (9).

Fig. 16. Vessels with the sgraffito decoration. Bowls (1-3, 5-9), a plate (4): 1, 2, 4, 8 – Privokzalnaia street, 12B, pit 46, 43, Zh-1, pit 43 (2008); 3 – Lenina street, 46, P-II, pit 3 (2003); 5 – Moskovskaia street, 7, pit 24 (1995); 6 – I-38 (1980); 7 – Suvorova street, 51, sq. 2B, spade depth 1 (2008); 9 – Tolstogo street, 71, trench 1 (2007). Excavations of A.N.Maslovskii (1-4, 7, 8), I.V.Belinskii (5), V.V.Chalyi (6), M.V.Dmitriyenko (9)

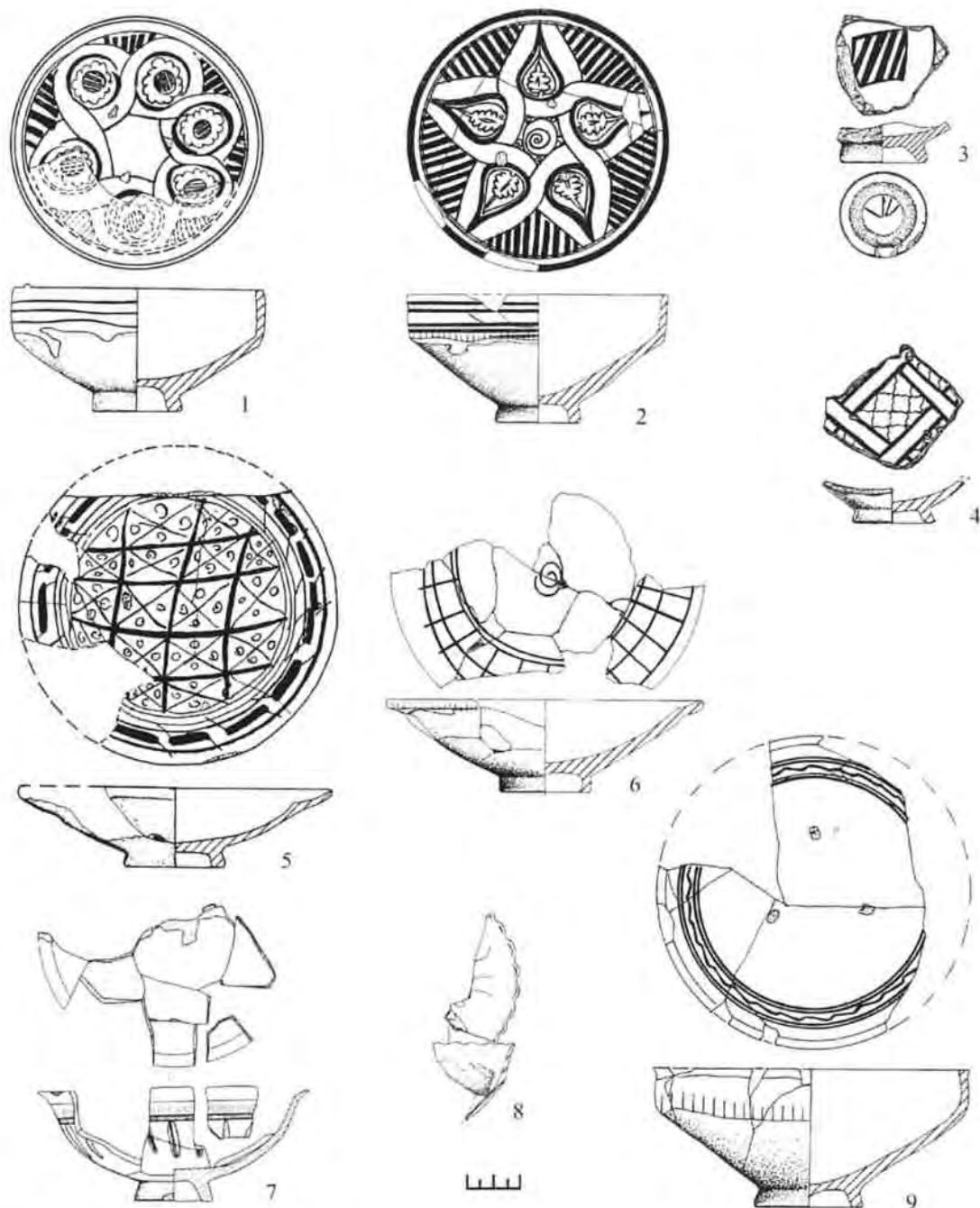

Рис. 17. Сосуды с орнаментом сграффито. Чаши (1-4, 7-9), тарелки (5, 6): 1 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-7 (1997); 2 – ул. Чехова, Я-9 (1991); 3 – ул. Привокзальная, 12Б, Ж-2 (2008); 4, 8 – ул. Московская, 7, Я-27, 25 (1995); 5 – пер. Красноармейский, 95А, тр-2 (2007); 6 – ул. Ленинградская, котлован (1985); 7 – ул. Толстого, 67, Я-6А (2008); 9 – ул. Чехова, 3, Я-5 (1988). Раскопки И.В.Белинского (1-2, 4, 8), А.Н.Масловского (3, 5, 7), П.А.Ларенок (6), И.В.Гудименко (9).

Fig. 17. Vessels with the sgraffito decoration. Bowls (1-4, 7-9), plates (5, 6): 1 – Chekhova street, 3, P-II, pit 7 (1997); 2 – Chekhova street, pit 9 (1991); 3 – Privokzalnaia street, 12B, Zh-2 (2008); 4, 8 – Moskovskaia street, 7, pit 27, 25 (1995); 5 – Krasnoarmeiskii lane, 95A, tr-2 (2007); 6 – Leningradskaia street, a foundation ditch (1985); 7 – Tolstogo street, 67, pit 6A (2008); 9 – Chekhova street, 3, pit 5 (1988). Excavations of I.V.Belinskii (1-2, 4, 8), A.N.Maslovskii (3, 5, 7), P.A.Larenok (6), I.V.Gudimenko (9)

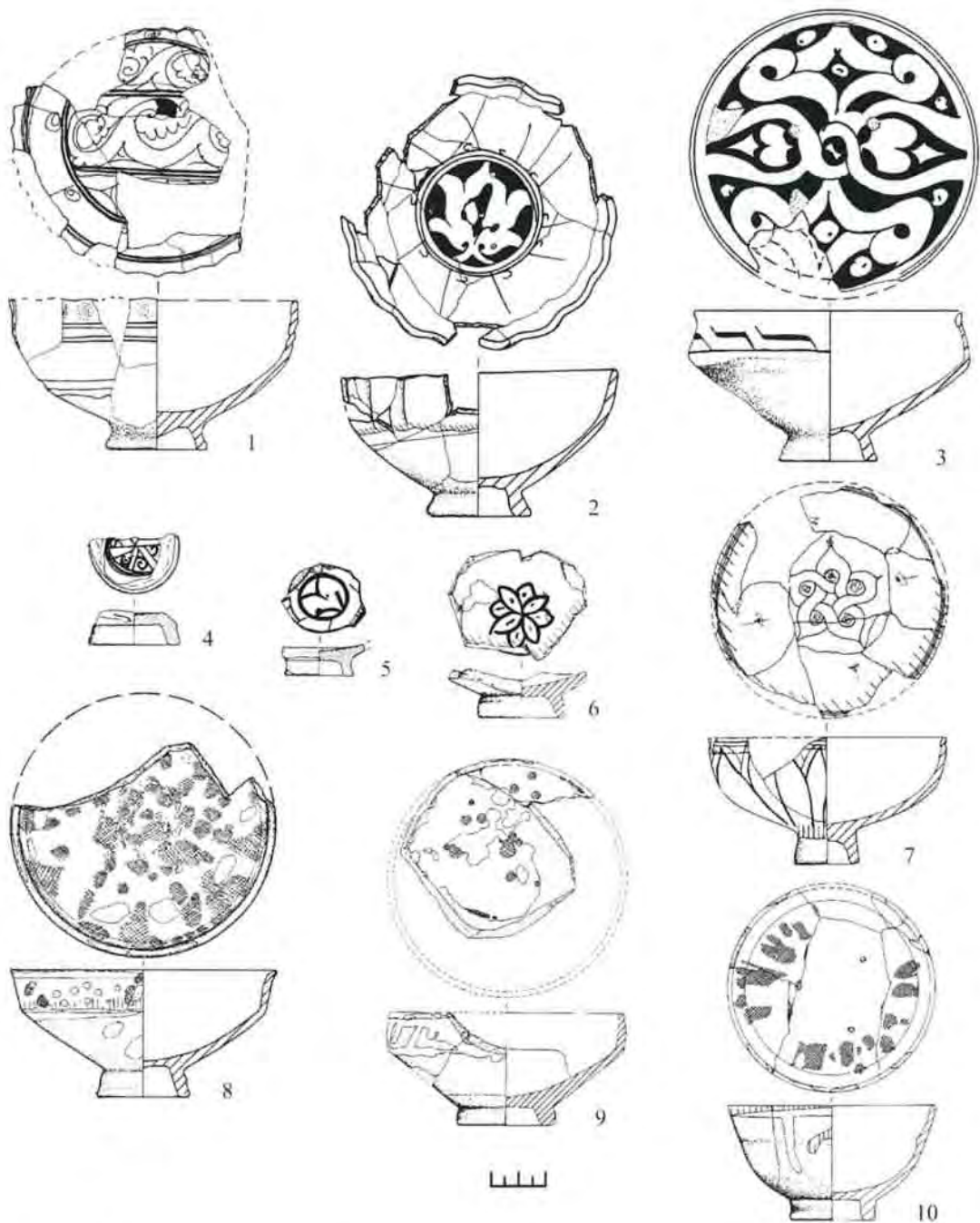

Рис. 18. Чаши с орнаментом сграффито (1, 4-7), сосуды с орнаментом резерва (2, 3), чаши с расцветкой коричневыми пятнами (8-10): 1, 7 – ул. Толстого, 41, Я-83 (2003); 2, 4, 5 – ул. Толстого, 67, Я-8, 16, 15 (2008); 3 – ул. Московская, 7, Я-18 (1995); 6 – ШАС, Я-1 (2009); 8 – пер. Социалистический, 61А, Я-11 (2006); 9, 10 – ул. Привокзальная, 12Б, Я-42, 46 (2008). Раскопки А.Н.Масловского (1-2, 4-5, 7-10), И.В.Белинского (3), С.А.Кравченко (6).

Fig. 18. Bowls with the sgraffito decoration (1, 4-7), vessels decorated with the reserve technique (2, 3), bowls painted with brown stains (8-10): 1, 7 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003); 2, 4, 5 – Tolstogo street, 67, pit 8, 16, 15 (2008); 3 – Moskovskaia street, 7, pit 18 (1995); 6 – ШАС, pit 1 (2009); 8 – Sotsialisticheskii lane, 61A, pit 11 (2006); 9, 10 – Privokzalnaia street, 12B, pit 42, 46 (2008). Excavations of A.N.Maslovskii (1-2, 4-5, 7-10), I.V.Belinskii (3), S.A.Kravchenko (6)

Рис. 19. Сосуды с росписью ангобом. Чаши (1-5, 7), блюдо (6): 1 – ул.К.Либкнехта, Я-5 (1985); 2, 4, 6 – ул.Толстого, 67, Я-6А, 6, 6А (2008); 3 – ул.Толстого, 41, Я-83 (2003); 5 – Парк, Я-1 (1978); 7 – ул.Толстого, котлован, Я-6 (1982). Раскопки И.В.Белинского (1), А.Н.Масловского (2-4, 6), Н.М.Фомичева (5), В.В.Чалого (7).

Fig. 19. Vessels with the engobe decoration. Bowls (1-5, 7), a dish (6): 1 – K.Libknekhta street, pit 5 (1985); 2, 4, 6 – Tolstogo street, 67, pit 6A, 6, 6A (2008); 3 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003); 5 – Park, pit 1 (1978); 7 – Tolstogo street, a foundation ditch, pit 6 (1982). Excavations of I.V.Belinskii (1), A.N.Maslovskii (2-4, 6), N.M.Fomichiov (5), V.V.Chalyi (7)

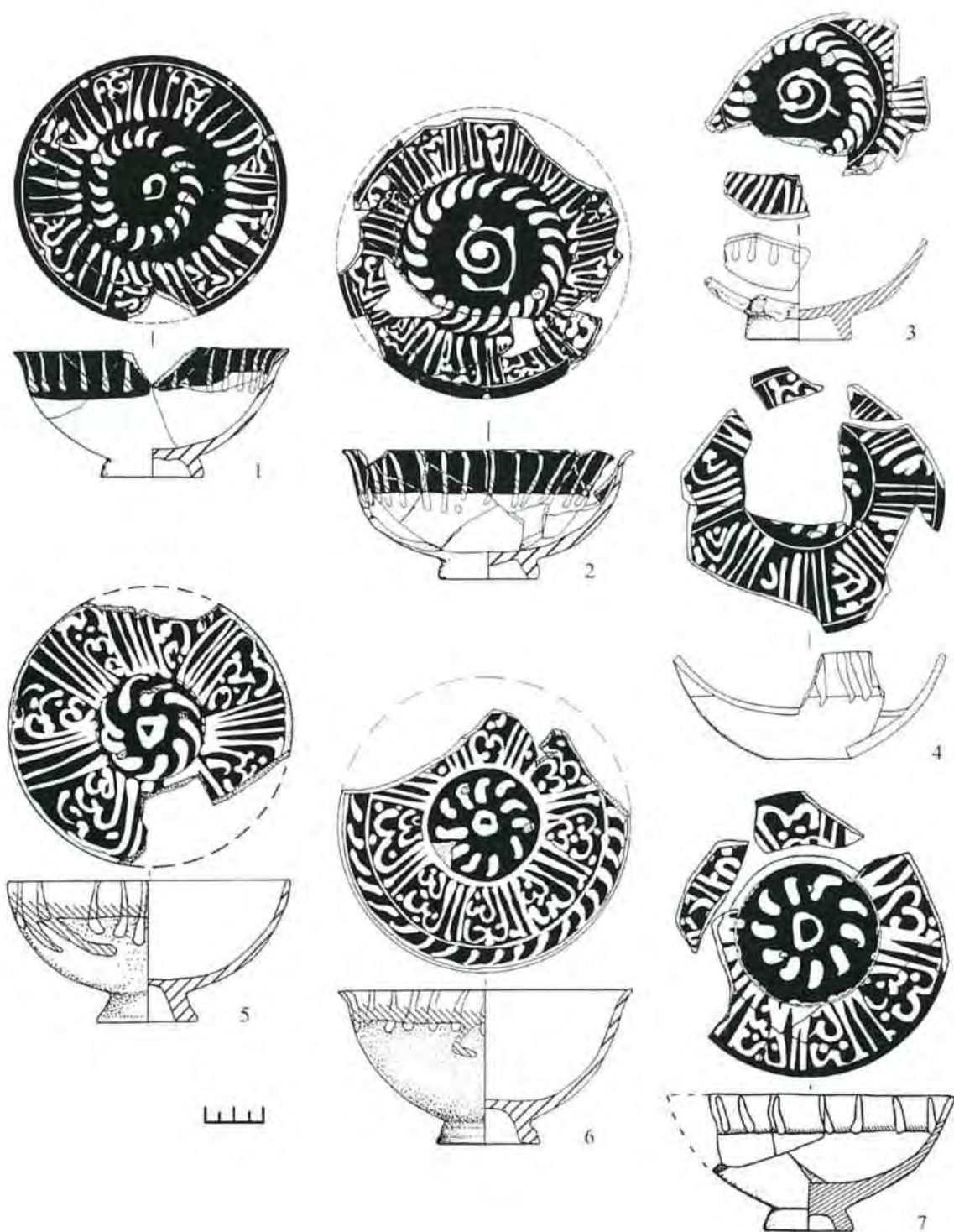

Рис. 20. Сосуды с росписью ангобом. Чаши: 1, 2 – ул.К.Либкнехта, Я-5 (1985); 3 – Петровская площадь, 12, ж-7 (2008); 4, 7 – ул.Толстого, 67, Я-6А (2008); 5, 6 – ул.Толстого, 41, Я-83 (2003). Раскопки И.В.Белинского (1, 2), А.Н.Масловского (3-7).

Fig. 20. Vessels with the engobe decoration. Bowls: 1, 2 – K.Libknekhta street, pit 5 (1985); 3 – Petrovskaja square, 12, ж-7 (2008); 4, 7 – Tolstogo street, 67, pit 6A (2008); 5, 6 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003). Excavations of I.V.Belinskii (1, 2), A.N.Maslovskii (3-7)

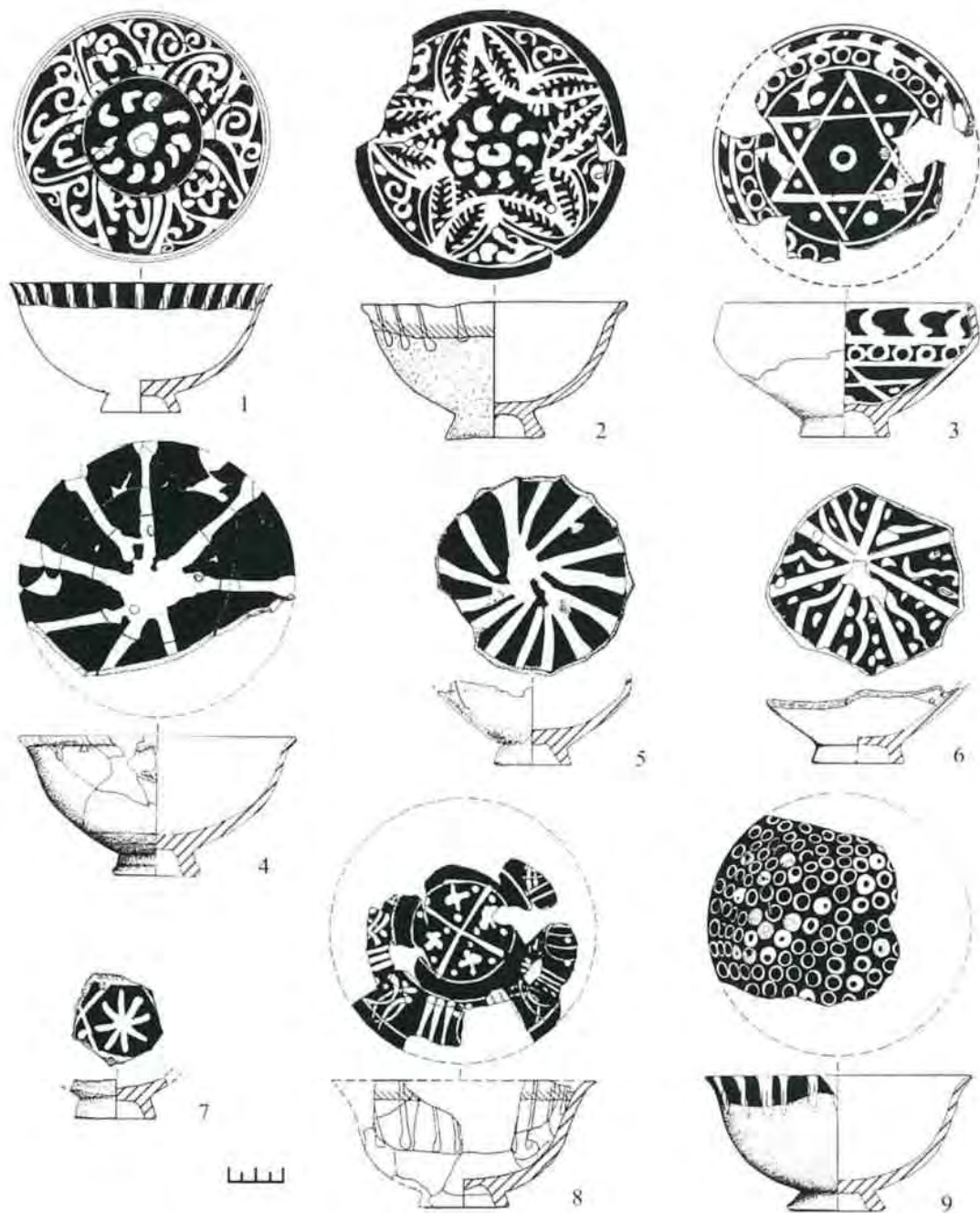

Рис. 21. Сосуды с росписью ангобом. Чаши: 1 – ул.К.Либкнехта, Я-5 (1985); 2 – ул.Щорса, 7, Я-2 (2007); 3, 5, 7 – ул.Московская, 7, Я-25, Ж-2, Я-5 (1995); 4 – ул.Ленинградская, 29, Я-14 (1987); 6 – ул.Толстого, 67, Я-15 (2008); 8 – ул.Ленинградская, 101, Я-9 (2003); 9 – ул.Ленина, траншея (1982). Раскопки И.В.Белинского (1, 3, 5, 7), А.Н.Масловского (2, 6, 8), И.В.Волкова (4), В.В.Чалого (9).

Fig. 21. Vessels with the engobe decoration. Bowls: 1 – K.Libknekhta street, pit 5 (1985); 2 – Shchorsa street, 7, pit 2 (2007); 3, 5, 7 – Moskovskaia street, 7, pit 25, Ж-2, pit 5 (1995); 4 – Leningradskaia street, 29, pit 14 (1987); 6 – Tolstogo street, 67, pit 15 (2008); 8 – Leningradskaia street, 101, pit 9 (2003); 9 – Lenina street, a trench (1982). Excavations of I.V.Belinskii (1, 3, 5, 7), A.N.Maslovskii (2, 6, 8), I.V.Volkov (4), V.V.Chalyi (9)

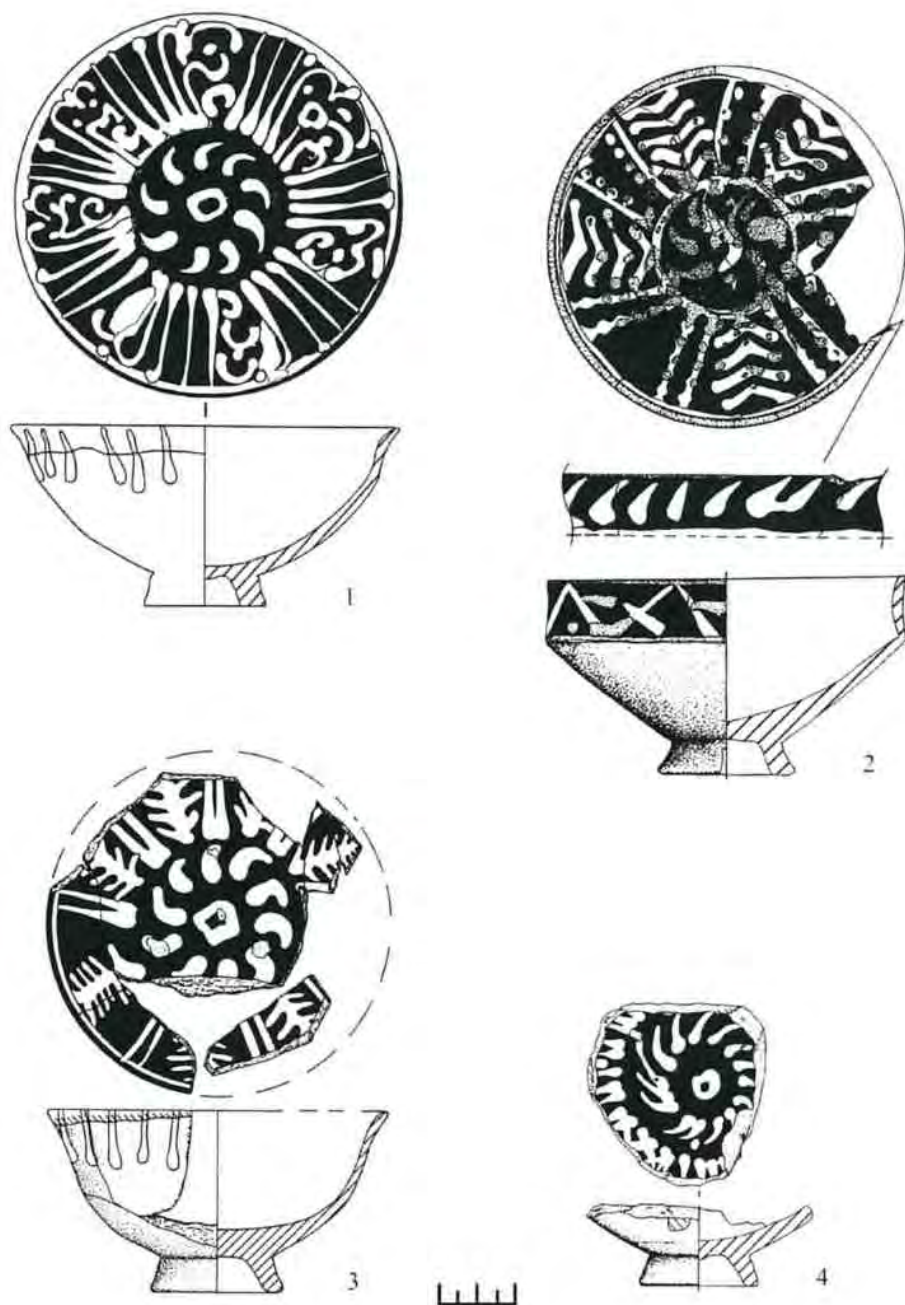

Рис. 22. Сосуды с росписью ангобом. Чаши: 1 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-5 (1997); 2 – ул. Ленинградская, котлован (1984); 3 – ул. Толстого, 67, Я-6 (2008); 4 – Петровская площадь, 12, Я-19 (2008). Раскопки И.В.Белинского (1), В.В.Чалого (2), А.Н.Масловского (3, 4).

Fig. 22. Vessels with the engobe decoration. Bowls: 1 – Chekhova street, 3, P-II, pit 5 (1997); 2 – Leningradskaia street, a foundation ditch (1984); 3 – Tolstogo street, 67, pit 6 (2008); 4 – Petrovskaia square, 12, pit 19 (2008). Excavations of I.V.Belinskii (1), V.V.Chalyi (2), A.N.Maslovskii (3, 4)

Рис. 23. Поддоны поливных чаш: 1 – ул.Ленина, траншея (1982); 2 – ул.Ленинградская, Я-49 (1984); 3 – ул.Ленинградская, 29, Я-14 (1987); 4 – ул.К.Либкнехта, Я-5 (1985); 5 – ул.Толстого, 41, кв.4И, шт.6 (2001); 6 – ул.Мира, Р-II, Я-6 (1973). Раскопки В.В.Чалого (1, 2), И.В.Волкова (3), И.В.Белинского (4), А.Н.Масловского (5), Н.М.Булатова (6).

Fig. 23. Bottom rims of glaze bowls: 1 – Lenina street, a trench (1982); 2 – Leningradskaja street, pit 49 (1984); 3 – Leningradskaja street, 29, pit 14 (1987); 4 – K.Libknekhta street, pit 5 (1985); 5 – Tolstogo street, 41, sq. 4И, spade depth 6 (2001); 6 – Mira street, P-II, pit 6 (1973). Excavations of V.V.Chalyi (1, 2), I.V.Volkov (3), I.V.Belinskii (4), A.N.Maslovskii (5), N.M.Bulatov (6)

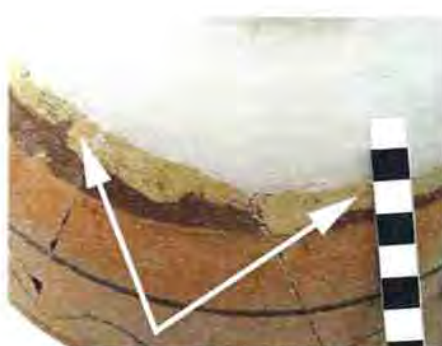
1

2

3

4

5

6

Рис. 24. Сосуды с диагностическими признаками технологических операций: 1 – следы ножа; 2 – трещина на стыке поддона и тулова; 3 – поверхность черепка с граффити; 4 – следы замазывания трещины ангобом; 5 – черепок в изломе (следы крепления поддона); 6 – наплыв на месте склейки поддона.

Fig. 24. Vessels with signs of technological operations: 1 – traces of knife; 2 – a crack at the joint of the bottom rim and the body; 3 – a surface of a crock with graffiti; 4 – traces of putting a crack with engobe; 5 – a fracture of crock (traces of fastening of an underpan); 6 – an influx on the place of gluing an underpan

Рис. 25. Миниатюрный сосуд (1), кувшины (2, 3): 1 – ул.Дзержинского, 49, Я-3 (2008); 2 – ул.Суворова, 51, Я-7 (2008); 3 – ул.Ленина, 53, Я-7 (2007). Раскопки А.Н.Масловского.

Fig. 25. A tiny vessel (1), jugs (2, 3): 1 – Dzerzhinskogo street, 49, pit 3 (2008); 2 – Suvorova street, 51, pit 7 (2008); 3 – Lenina street, 53, pit 7 (2007). Excavations of A.N.Maslovskii

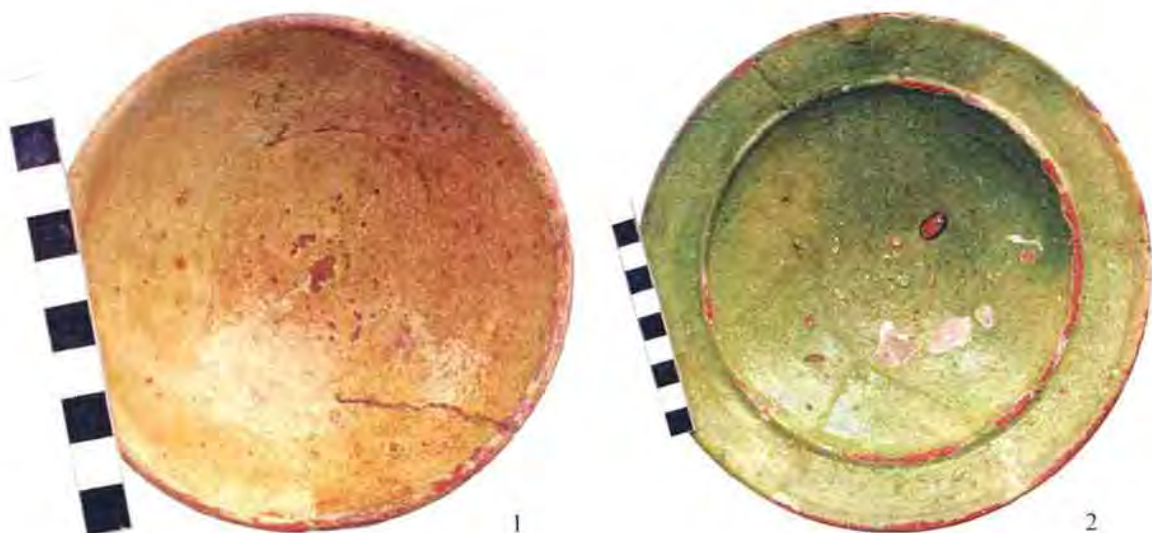

Рис. 26. Чаша (1), тарелка (2): 1 – ул. Чехова, 3, Я-13 (1990); 2 – ул. Макаровского, кв.10Е, шт.2 (1993). Раскопки А.Л.Бойко (1), И.В.Гудименко (2).

Fig. 26. A bowl (1), a plate (2): 1 – Chekhova street, 3, pit 13 (1990); 2 – Makarovskogo street, sq. 10E, spade depth 2 (1993). Excavations of A.L.Boiko (1), I.V.Gudimenko (2)

Рис. 27. Чаши с изображением птиц: 1 – Парк, Я-3 (1985); 2 – ул.Ленина, 72, Я-8 (2011); 3 – ул.Толстого, 41, Я-83 (2003). Раскопки И.В.Волкова (1), А.Н.Масловского (2-3).

Fig. 27. Bowls with images of birds: 1 – Park, pit 3 (1985); 2 – Lenina street, 72, pit 8 (2011); 3 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003). Excavations of I.V.Volkov (1), A.N.Maslovskii (2-3)

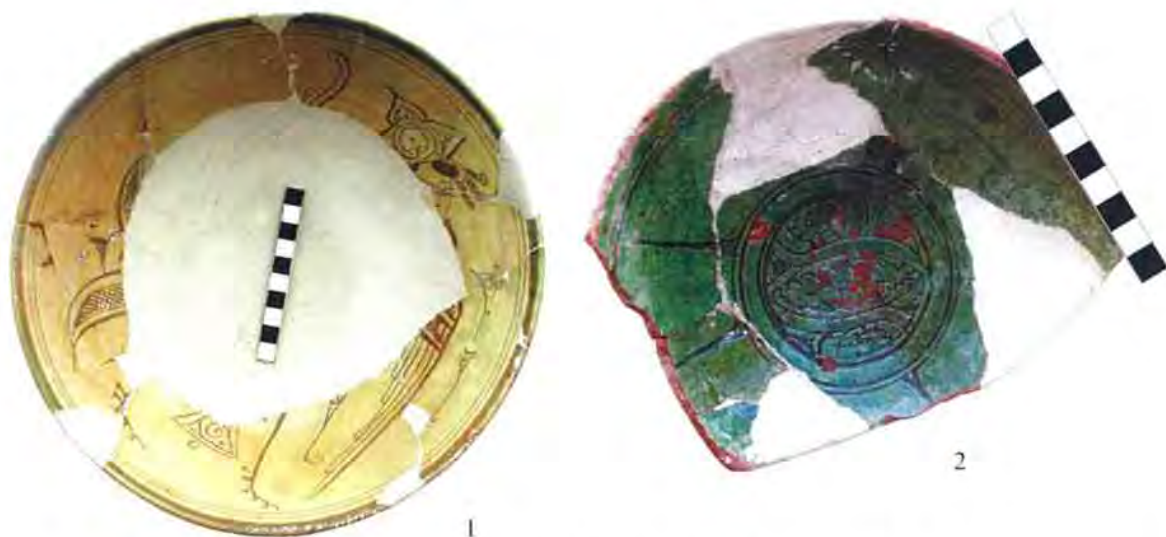

Рис. 28. Большая чаша (1), чаша (2): 1 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-4 (1997); 2 – ул. Ленинградская, 29, кв. 1, шт. 11 (1994). Раскопки И.В.Белинского (1), И.В.Гудименко (2).

Fig. 28. A big bowl (1), a bowl (2): 1 – Chekhova street, 3, P-II, pit 4 (1997); 2 – Leningradskaiia street, 29, sq. 1, spade depth 11 (1994). Excavations of I.V.Belinskii (1), I.V.Gudimenko (2)

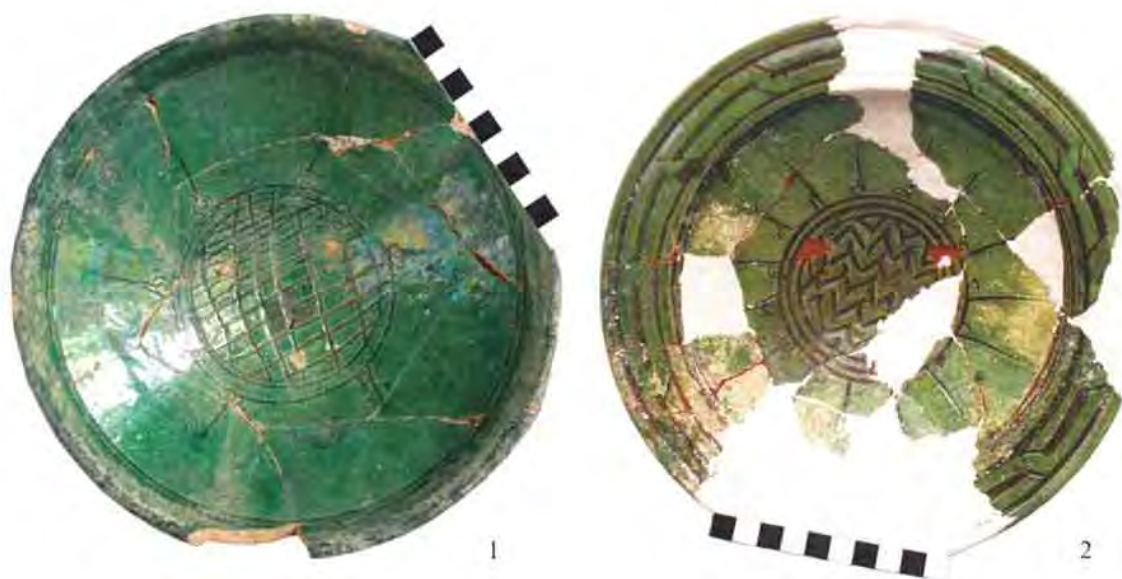

Рис. 29. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Измайлова, 38-40 (2000); 2 – ул. Привокзальная, 12Б, Я-28 (2008). Раскопки И.В.Гудименко (1), А.Н.Масловского (2).

Fig. 29. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Izmaylova street, 38-40 (2000); 2 – Privokzalnaia street, 12Б, pit 28 (2008). Excavations of I.V.Gudimenko (1), A.N.Maslovskii (2)

Рис. 30. Чаши с растительным орнаментом: 1, 2 – пер. Социалистический, 1, Я-14, Ж-1 (1979). Раскопки В.В. Чалого.

Fig. 30. Bowls with a vegetable ornament: 1, 2 – Sotsialisticheskii lane, 1, pit 14, Ж-1 (1979). Excavations of V.V.Chalyi

Рис. 31. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Ленинградская, Я-49 (1984); 2 – ул. Пирогова, 11, Я-9 (2006). Раскопки В.В. Чалого (1), А.Н. Масловского (2).

Fig. 31. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Leningradskaia street, pit 49 (1984); 2 – Pirogova street, 11, pit 9 (2006). Excavations of V.V.Chalyi (1), A.N.Maslovskii (2)

Рис. 32. Чаши с растительным орнаментом: 1 – пер.Красноармейский, 88Б, Я-10 (2008); 2 – ул. Чехова, Дом быта, Я-5 (1975). Раскопки А.Н.Масловского (1), Н.М.Фомичева (2).

Fig. 32. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Krasnoarmeiskii lane, 88B, pit 10 (2008); 2 – Chekhova street, Consumer services centre, pit 5 (1975). Excavations of A.N.Maslovskii (1), N.M.Fomichiov (2)

Рис. 33. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул.Московская, 4, Я-8 (2005); 2 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-4 (1997). Раскопки А.Н.Масловского (1), И.В.Белинского (2).

Fig. 33. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Moskovskaia street, 4, pit 8 (2005); 2 – Chekhova street, 3, P-II, pit 4 (1997). Excavations of A.N.Maslovskii (1), I.V.Belinskii (2)

Рис. 34. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Ленинградская, 29, Я-11 (1994); 2 – ул. Московская, котлован, Я-2 (1975). Раскопки И.В.Гудименко (1), Н.М.Фомичева (2).

Fig. 34. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Leningradskaia street, 29, pit 11 (1994); 2 – Moskovskaia street, a foundation ditch, pit 2 (1975). Excavations of I.V.Gudimenko (1), N.M.Fomichiov (2)

Рис. 35. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Чехова, Я-2 (1984); 2 – ул. Московская, 7, Я-6 (1995). Раскопки В.В.Чалого (1), И.В.Белинского (2).

Fig. 35. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Chekhova street, pit 2 (1984); 2 – Moskovskaia street, 7, pit 6 (1995). Excavations of V.V.Chalyi (1), I.V.Belinskii (2)

Рис. 36. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул.Привокзальная, 12Б, Я-50 (2008); 2 – ул.Чехова, Дом быта, Я-5 (1975). Раскопки А.Н.Масловского (1), Н.М.Фомичева (2).

Fig. 36. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Privokzalnaia street, 12B, pit 50 (2008); 2 – Chekhova street, Consumer services centre, pit 5 (1975). Excavations of A.N.Maslovskii (1), N.M.Fomichiov (2)

Рис. 37. Чаши с растительным орнаментом. Блюдо (1), чаша (2): 1 – Петровская площадь, 12, Я-15 (2008); 2 – ул.Дзержинского, 8, Р-1, Я-179 (2008). Раскопки А.Н.Масловского.

Fig. 37. Bowls with a vegetable ornament. A dish (1), a bowl (2): 1 – Petrovskaia square, 12, pit 15 (2008); 2 – Dzerzhinskogo street, 8, P-1, pit 179 (2008). Excavations of A.N.Maslovskii

Рис. 38. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Ленинградская, Я-25 (1981); 2 – ул. Привокзальная, 12Б, Горн 11, Я-А (2008). Раскопки В.В. Чалого (1), А.Н. Масловского (2).

Fig. 38. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Leningradskaia street, pit 25 (1981); 2 – Privokzalnaia street, 12Б, Forge 11, pit A (2008). Excavations of V.V. Chalyi (1), A.N. Maslovskii (2)

Рис. 39. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Чехова, 3, Р-II, Я-7 (1997); 2 – ул. Измайлова, 38/40 (2000). Раскопки И.В. Белинского (1), И.В. Гудименко (2).

Fig. 39. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Chekhova street, 3, P-II, pit 7 (1997); 2 – Izmaylova street, 38/40 (2000). Excavations of I.V. Belinskii (1), I.V. Gudimenko (2)

Рис. 40. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Чехова, 3, Я-21 (1990); 2 – ул. Ленинградская, 62, Я-42 (1984). Раскопки А.Л.Бойко (1), В.В.Чалого (2).

Fig. 40. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Chekhova street, 3, pit 21 (1990); 2 – Leningradskaja street, 62, pit 42 (1984). Excavations of A.L.Boiko (1), V.V.Chalyi (2)

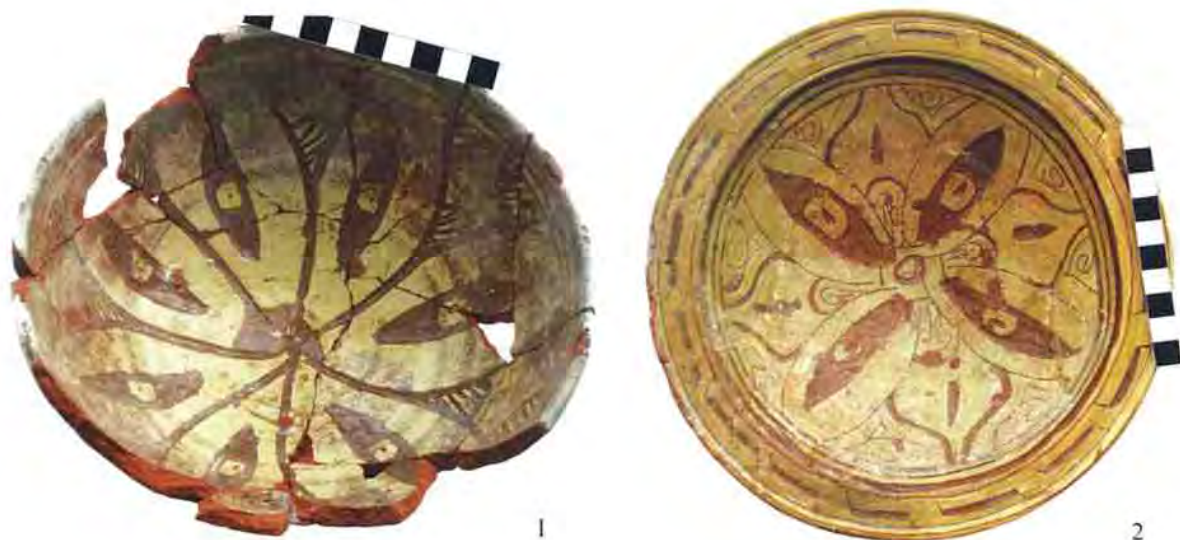

Рис. 41. Сосуды с растительным орнаментом. Чаша (1), тарелка (2): 1 – ул. Толстого, 67, Я-8 (2008); 2 – ул. Мира, P-II, Я-6 (1973). Раскопки А.Н.Масловского (1), Н.М.Булатова (2).

Fig. 41. Vessels with a vegetable ornament. A bowl (1), a plate (2): 1 – Tolstogo street, 67, pit 8 (2008); 2 – Mira street, P-II, pit 6 (1973). Excavations of A.N.Maslovskii (1), N.M.Bulatov (2)

Рис. 42. Сосуды с растительным орнаментом: 1 – ул.Ленина, 46, Р-II, Я-6 (2003); 2 – пер.Социалистический, 1, Ж-1 (1979); 3 – ул.Толстого, 41, кв.4И, шт.6 (2001). Раскопки А.Н.Масловского (1, 3), В.В.Чалого (2).

Fig. 42. Vessels with a vegetable ornament: 1 – Lenina street, 46, P-II, pit 6 (2003); 2 – Sotsialisticheskii lane, 1, Ж-1 (1979); 3 – Tolstogo street, 41, sq. 4И, spade depth 6 (2001). Excavations of A.N.Maslovskii (1, 3), V.V.Chalyi (2)

Рис. 43. Сосуды с растительным орнаментом: 1 – ул.Ленина, 46, Р-II, Я-3 (2003); 2 – ул.Суворова, 51, кв.2В, шт.1 (2008). Раскопки А.Н.Масловского.

Fig. 43. Vessels with a vegetable ornament: 1 – Lenina street, 46, P-II, pit 3 (2003); 2 – Suvorova street, 51, sq. 2В, spade depth 1 (2008). Excavations of A.N.Maslovskii

Рис. 44. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Чапаева 14, Я-30 (2008); 2 – ул. Толстого, 71, траншея (2007). Раскопки А.Н.Масловского (1), М.В.Дмитриенко (2).

Fig. 44. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Chapaeva street, 14, pit 30 (2008); 2 – Tolstogo street, 71, a trench (2007). Excavations of A.N.Maslovskii (1), M.V.Dmitriyenko (2)

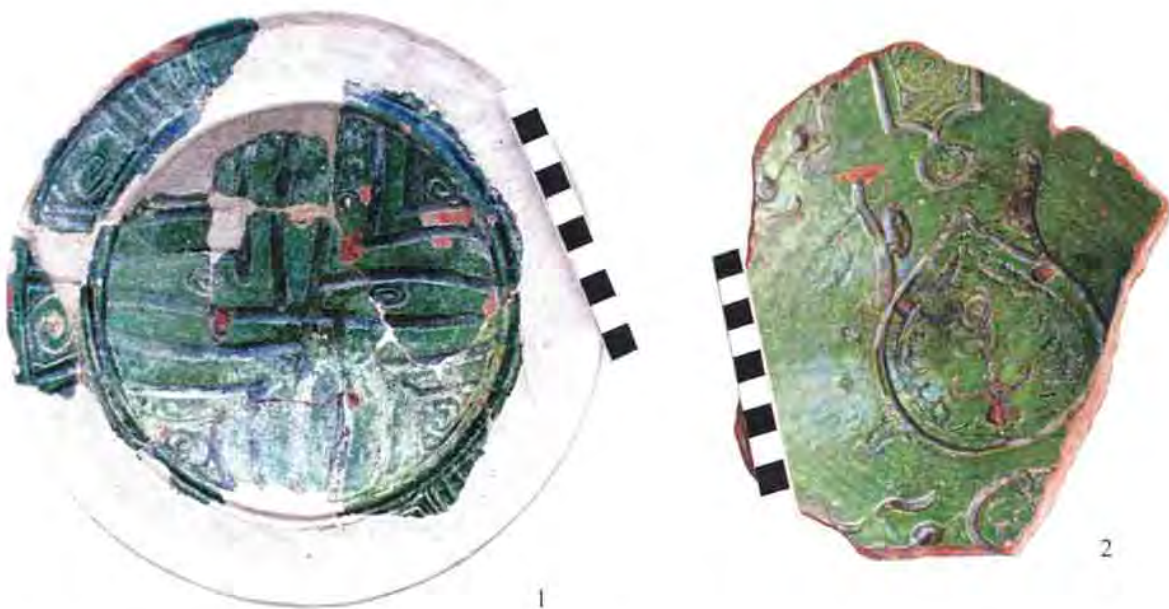

Рис. 45. Сосуды с растительным орнаментом. Тарелка (1), чаша (2): 1 – ул. Московская, 7, Я-5 (1995); 2 – Я-38 (1980). Раскопки И.В.Белинского (1), В.В.Чалого (2).

Fig. 45. Vessels with a vegetable ornament. A plate (1), a bowl (2): 1 – Moskovskaia street, 7, pit 5 (1995); 2 – pit 38 (1980). Excavations of I.V.Belinskii (1), V.V.Chalyi (2)

Рис. 46. Чаши с растительным орнаментом: 1 – ул. Чехова, Я-9 (1991); 2 – ул. Чехова, 3, Я-7 (1997). Раскопки И.В.Белинского.

Fig. 46. Bowls with a vegetable ornament: 1 – Chekhova street, pit 9 (1991); 2 – Chekhova street, 3, pit 7 (1997). Excavations of I.V.Belinskii

Рис. 47. Чаши с орнаментом сграффито: 1 – ул. Чехова, Р-III, Я-5 (1988); 2 – пер. Социалистический, I, Я-33 (1979). Раскопки И.В.Гудименко (1), В.В.Чалого (2).

Fig. 47. Bowls with the sgraffito decoration: 1 – Chekhova street, P-III, pit 5 (1988); 2 – Sotsialisticheskii lane, I, pit 33 (1979). Excavations of I.V.Gudimenko (1), V.V.Chalyi (2)

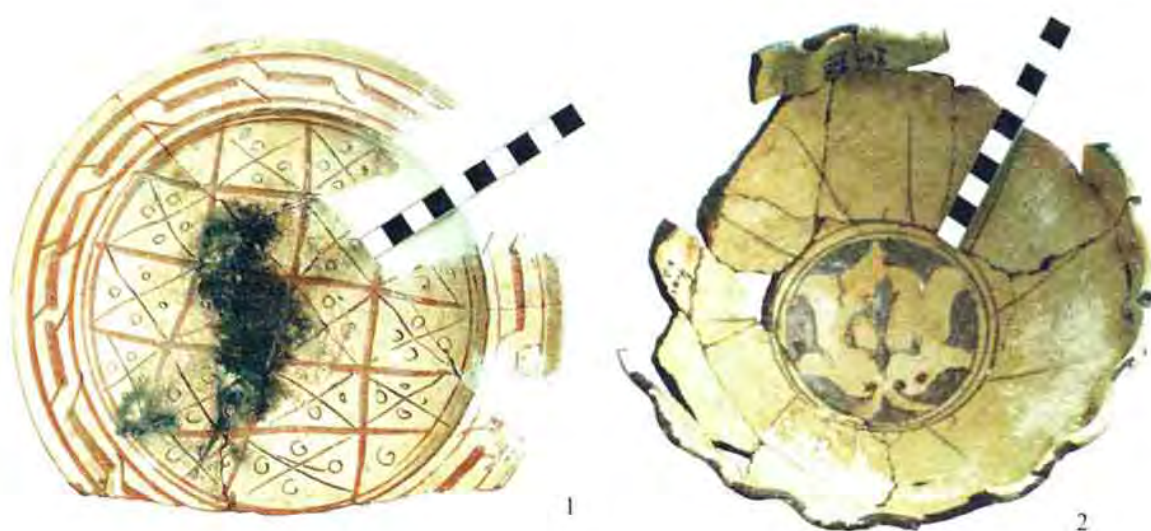

Рис. 48. Сосуды с орнаментом сграффито. Тарелка (1), чаша (2): 1 – пер. Красноармейский, 95А, тр-2 (2007); 2 – ул. Толстого, 67, Я-8 (2008). Раскопки А.Н. Масловского.

Fig. 48. Vessels with the sgraffito decoration. A plate (1), a bowl (2): 1 – Krasnoarmeiskii lane, 95A, trench 2 (2007); 2 – Tolstogo street, 67, pit 8 (2008). Excavations of A.N. Maslovskii

Рис. 49. Чаши с рельефным орнаментом: 1, 2 – ул. Толстого, 41, Я-83 (2003). Раскопки А.Н. Масловского.

Fig. 49. Bowls with a relief ornament: 1, 2 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003). Excavations of A.N. Maslovskii

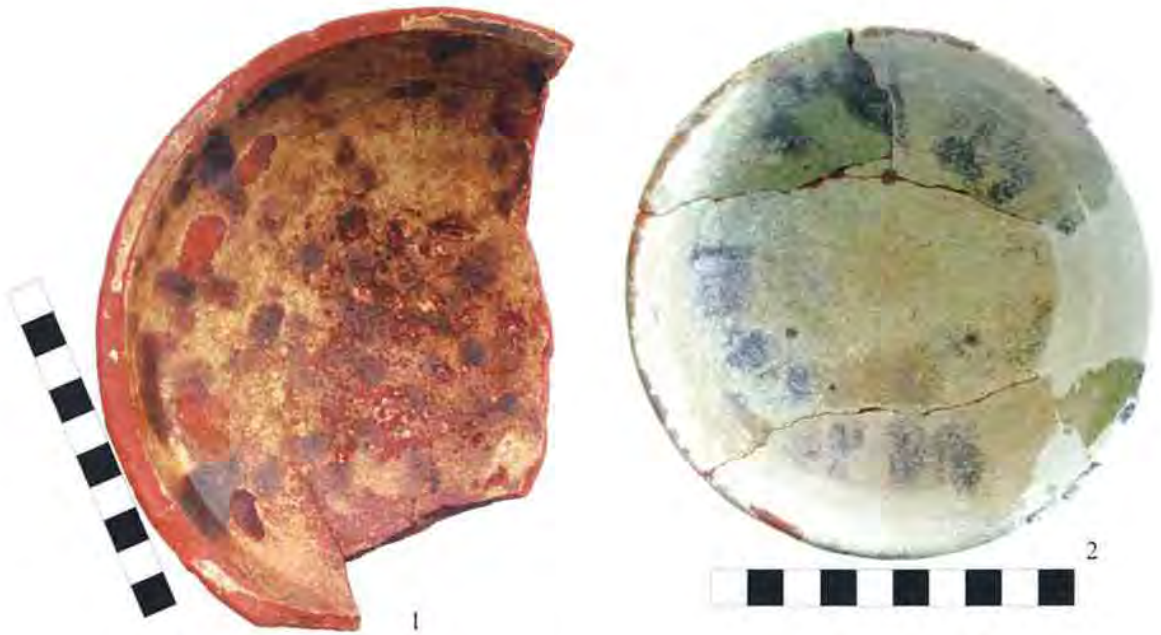

Рис. 50. Чаши с расцветкой коричневыми пятнами: 1 – пер. Социалистический, 61А, Я-11 (2006); 2 – ул. Привокзальная, 12Б, Я-46 (2008). Раскопки А.Н.Масловского.

Fig. 50. Bowls painted in brown stains: 1 – Sotsialisticheskii lane, 61A, pit 11 (2006); 2 – Privokzalnaia street, 12B, pit 46 (2008). Excavations of A.N.Maslovskii

Рис. 51. Чаши с орнаментом в технике резерва (1) и сграффито (2): 1 – ул.Московская, 7, Я-13 (1995); 2 – ул.Толстого, 67, Я-16 (2008). Раскопки И.В.Белинского (1), А.Н.Масловского (2).

Fig. 51. Bowls with an ornament in the reserve (1) and sgraffito (2) technique: 1 – Moskovskaia street, 7, pit 13 (1995); 2 – Tolstogo street, 67, pit 16 (2008). Excavations of I.V.Belinskii (1), A.N.Maslovskii (2)

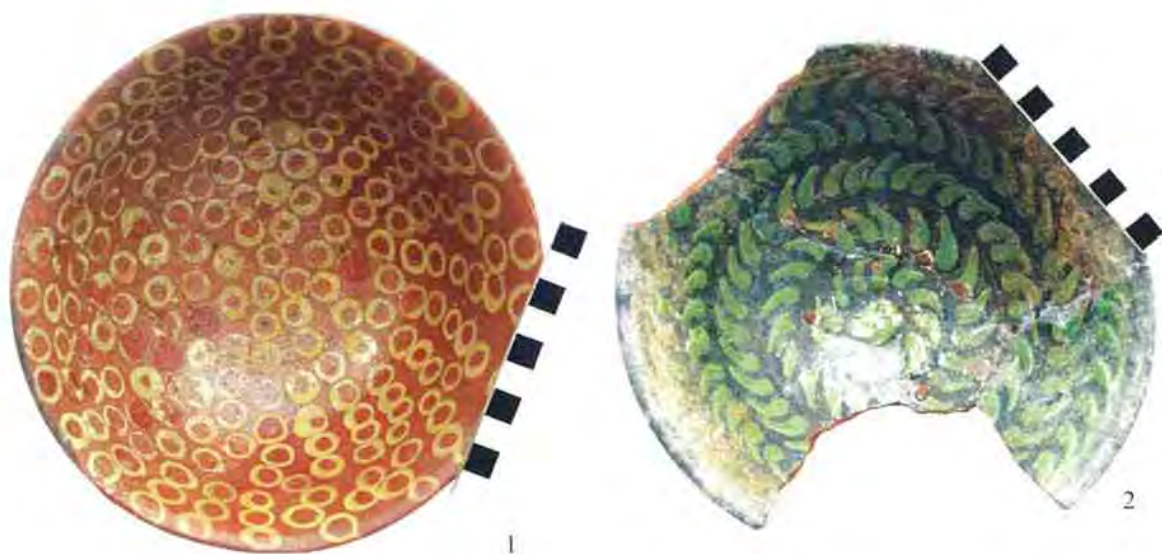

Рис. 52. Чаши с росписью ангобом: 1 – ул.Ленина, траншея (1982); 2 – Парк, Я-1 (1978). Раскопки В.В.Чалого (1), Н.М.Фомичева (2).

Fig. 52. Bowls with the engobe decoration: 1 – Lenina street, a trench (1982); 2 – Park, pit 1 (1978). Excavations of V.V.Chalyi (1), N.M.Fomichiov (2)

Рис. 53. Чаши с росписью ангобом: 1 – ул.Ленинградская, котлован, Я-55 (1984); 2 – ул.К.Либкнехта, Я-5 (1985). Раскопки В.В.Чалого (1), И.В.Белинского (2).

Fig. 53. Bowls with the engobe decoration: 1 – Leningradskaia street, a foundation ditch, pit 55 (1984); 2 – K.Libknekhta street, pit 5 (1985). Excavations of V.V.Chalyi (1), I.V.Belinskii (2)

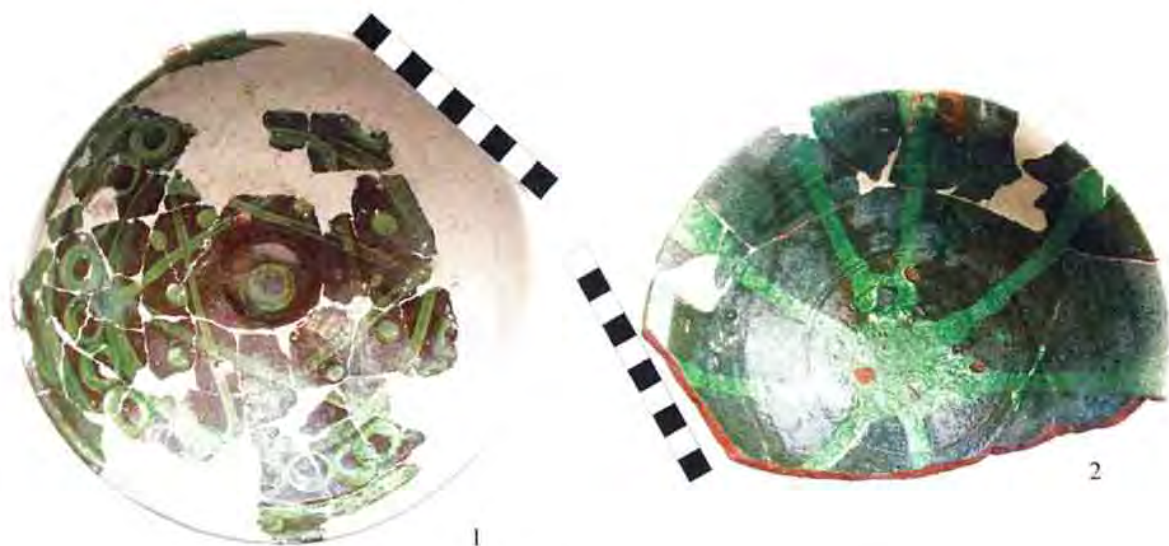

Рис. 54. Чаши с росписью ангобом: 1 – ул.Московская, 7, Я-25 (1995); 2 – ул.Ленинградская, 29, Я-14 (1987). Раскопки И.В.Белинского (1), И.В.Волкова (2).

Fig. 54. Bowls with the engobe decoration: 1 – Moskovskaia street, 7, pit 25 (1995); 2 – Leningradskaia street, 29, pit 14 (1987). Excavations of I.V.Belinskii (1), I.V.Volkov (2)

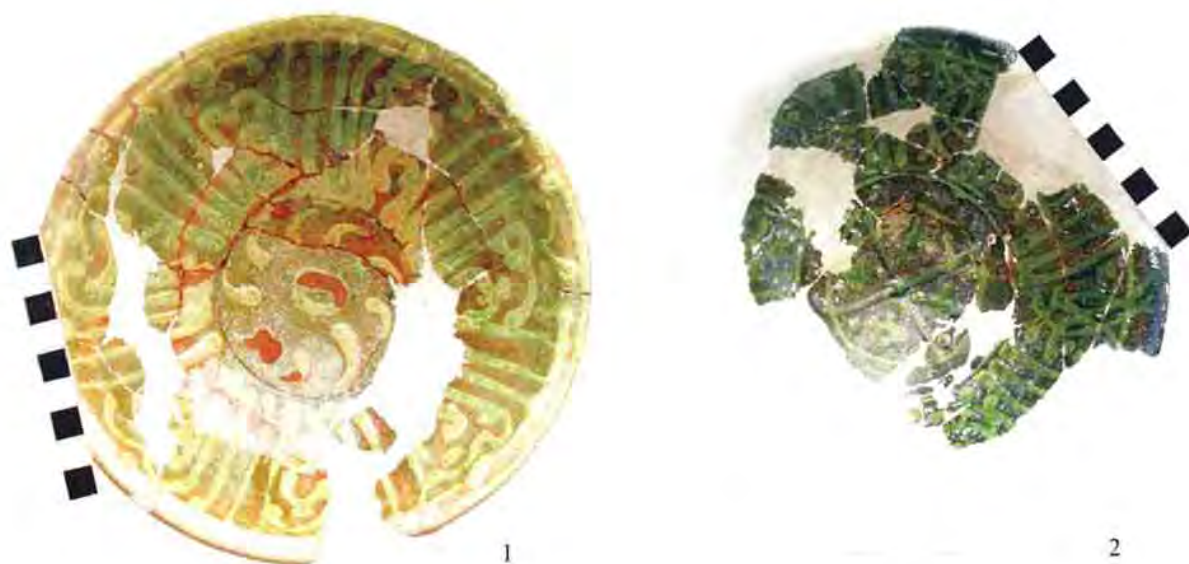

Рис. 55. Чаши с росписью ангобом: 1 – ул.Чехова, 3, Р-II, Я-5 (1997); 2 – ул.Ленинградская, 101, Я-9 (2003). Раскопки И.В.Белинского (1), А.Н.Масловского (2).

Fig. 55. Bowls with the engobe decoration: 1 – Chekhova street, 3, P-II, pit 5 (1997); 2 – Leningradskaia street, 101, pit 9 (2003). Excavations of I.V.Belinskii (1), A.N.Maslovskii (2)

Рис. 56. Чаши с росписью ангобом: 1, 2 – ул. Толстого, 41, Я-83 (2003). Раскопки А.Н. Масловского.

Fig. 56. Bowls with the engobe decoration: 1, 2 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003). Excavations of A.N. Maslovskii

Рис. 57. Чаши с росписью ангобом: 1, 2 – ул. Толстого, 41, Я-83 (2003). Раскопки А.Н. Масловского.

Fig. 57. Bowls with the engobe decoration: 1, 2 – Tolstogo street, 41, pit 83 (2003). Excavations of A.N. Maslovskii

Рис. 58. Чаши с росписью ангобом: 1 – ул.Щорса, 7, Я-2 (2007); 2 – ул.Московская, 7, Я-6 (1995). Раскопки А.Н.Масловского (1), И.В.Белинского (2).

Fig. 58. Bowls with the engobe decoration: 1 – Shchorsa street, 7, pit 2 (2007); 2 – Moskovskaia street, 7, pit 6 (1995). Excavations of A.N.Maslovskii (1), I.V.Belinskii (2)

Рис. 59. Чаши с росписью ангобом: 1, 2 – ул.Толстого, 67, Я-6А (2008). Раскопки А.Н.Масловского.

Fig. 59. Bowls with the engobe decoration: 1, 2 – Tolstogo street, 67, pit 6A (2008). Excavations of A.N.Maslovskii

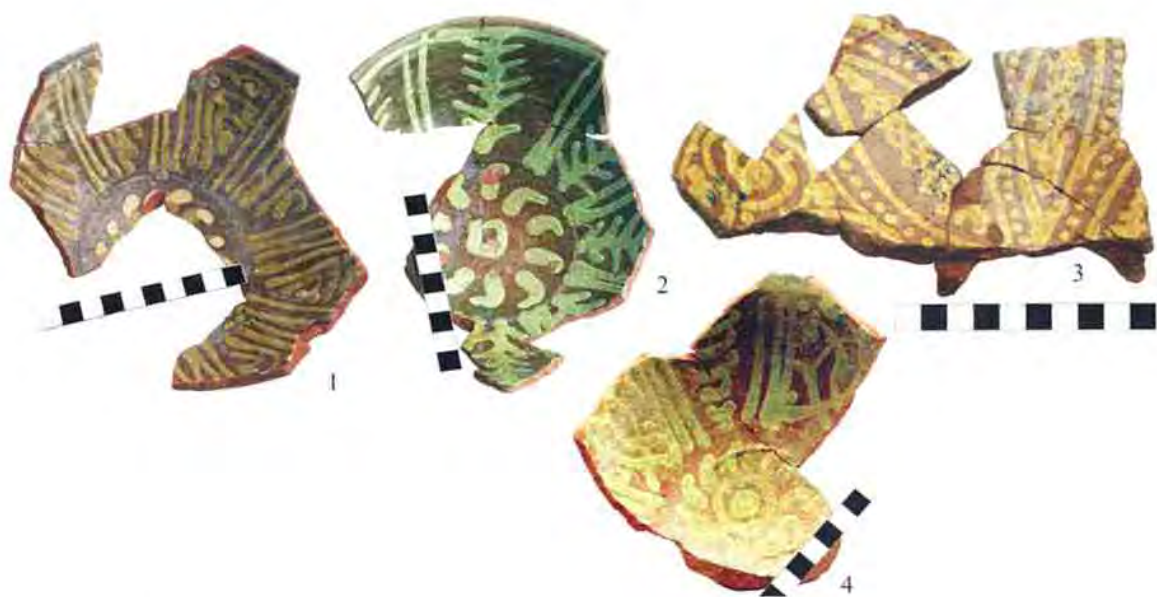

Рис. 60. Чаши с росписью ангобом: 1-3 – ул. Толстого, 67, Я-6А (2008); 4 – ул. Щорса, 7, Я-2 (2007). Раскопки А.Н.Масловского.

Fig. 60. Bowls with the engobe decoration: 1-3 – Tolstogo street, 67, pit 6A (2008); 4 – Shchorsa street, 7, pit 2 (2007). Excavations of A.N.Maslovskii

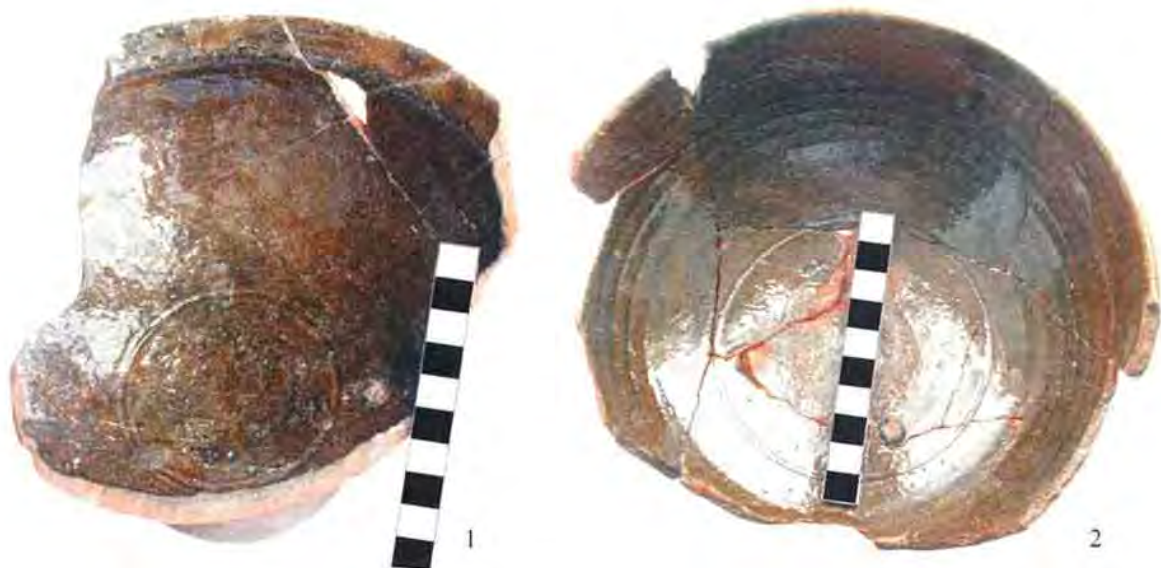

Рис. 61. Чаши с поливой, нанесенной по черепку: 1 – ул. Московская или ул. Ленина (1982); 2 – ул. Толстого, 67, Я-4 (2008). Раскопки В.В.Чалого (1), А.Н.Масловского (2).

Fig. 61. Bowls with glaze put on a crock: 1 – Moskovskaia street or Lenina street (1982); 2 – Tolstogo street, 67, pit 4 (2008). Excavations of V.V.Chalyi (1), A.N.Maslovskii (2)

Литература и архивные материалы

- Айбабина Е.А.**, 2005. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. К.
- Баранов И.А., Майко В.В.**, 1998. Комплекс поливной керамики XIV в. из раскопок храма девы Марии в Сугдее// Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Ялта 25-29 мая 1998 года. Тезисы докл. конф. Симферополь.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.**, 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г.Азов, ул.Московская 7)// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг. Вып.15. Азов.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.**, 2001. Раскопки в г.Азове по улице Толстого в 2000 году// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. Вып.17. Азов.
- Белинский А.Н., Масловский А.Н.**, 2005. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.)// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. К.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.**, 2007. Три закрытых комплекса из раскопок золотоордынского Азака// Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып.11. Москва; Иерусалим.
- Бобринский А.А.**, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Булатов Н.М.**, 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов// Средневековые памятники Поволжья. М.
- Волков И.В.**, 1992. Керамика Азова XIV-XVIII вв. Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М.
- Волков И.В.**, 2004а. Историографические курьезы// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып.19. Азов.
- Волков И.В.**, 2004б. Химическая посуда в золотоордынских городах// 125 лет обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Ч.1. Казань.
- Волков И.В.**, 2005. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240-1260)// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. К.
- Волков И.В.**, 2006. Чего стоит вывод и его защита// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып.22. Азов.
- Волков И.В.**, 2007. Поливная керамика Маджара// Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. II Междунар. науч. конф. (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.). Тезисы конференции. Ялта.
- Галкин Л.Л.**, 1975. Керамические горны золотоордынского города Азака// СА. № 1.
- Гудименко И.В.**, 1994а. Итоги исследований I Азовского отряда в 1993 году// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып.13. Азов.
- Гудименко И.В.**, 1994б. Работы I Азовского археологического отряда в 1992 году// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып.12. Азов.
- Гудименко И.В.**, 2001. Итоги исследований II Азовского археологического отряда в 2000 г.// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. Вып.17. Азов.
- Гудименко И.В., Масловский А.Н., Перевозчиков В.И.**, 2001. Гончарный комплекс по ул.Измайлова// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. Вып.17. Азов.
- Гудименко И.В., Перевозчиков В.И.**, 1989. Работы I Азовского археологического отряда в 1988 г.// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Тезисы докладов к семинару. Азов.
- Гюзальян Л.Т.**, 1965. Палеоэпиграфические материалы из раскопок Орен-Кала// МИА. № 133.
- Дмитриенко М.В.**, 2006. Итоги археологических исследований в г.Азове по ул.Толстого, 70

- в 2005 г.// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып.22. Азов.
- Дмитриенко М.В.**, 2008. Итоги спасательных раскопок в г.Азове в 2006 году// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып.23. Азов.
- Дмитриенко М.В.**, 2010. Итоги спасательных археологических раскопок на территории города Азова в 2007 году// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып.24. Азов.
- Дмитриенко М.В., Масловский А.Н.**, 2006. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып.22. Азов.
- Коваль В.Ю.**, 2010. Керамика Востока на Руси IX-XVII века. М.
- Кравченко Э.Е.**, 2005. Средневековая поливная керамика Среднего Подонцовья// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. К.
- Ларенок В.А.**, 1986. Поливная керамика Азака (к постановке вопроса)// Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. (тезисы докладов к семинару). Азов.
- Лисова Н.Ф.**, 2009. Структура построения орнаментов на золотоордынской глазурированной посуде Нижнего Поволжья// Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А.Федорова-Давыдова 30 сентября – 3 октября 2008 года. Азов.
- Лунина С.Б.**, 1978. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии// СА. № 3.
- Масловский А.Н.**, 2002а. К “Историографии местной керамики Азака-Таны” В.И.Перевозчикова (О методике и задачах исследований)// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып.18. Азов.
- Масловский А.Н.**, 2002б. Раскопки в Азове// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып.18. Азов.
- Масловский А.Н.**, 2004а. Раскопки в Азове в 2003 году// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып.20. Азов.
- Масловский А.Н.**, 2004б. Раскопки в г.Азове в 2002 году// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып.19. Азов.
- Масловский А.Н.**, 2006а. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 г.// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып.22. Азов.
- Масловский А.Н.**, 2006б. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып.21. Азов.
- Масловский А.Н.**, 2008. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып.23. Азов.
- Масловский А.Н.**, 2010. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007-2008 годах// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып.24. Азов.
- Панина Э.Л., Волков И.В.**, 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов// Средняя Азия. Археология. История. Культура. М.
- Перевозчиков В.И.**, 1988. Отчет о раскопках I Азовского археологического отряда в 1987 году// Архив АМЗ, КВФ-11011/1, 2.
- Перевозчиков В.И.**, 1989. Гончарная печь в траншее по улице Газеты Известия// Археология и краеведение – вузу и школе (Третья региональная научно-практическая конференция). Грозный.
- Перевозчиков В.И.**, 1990. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып.9. Азов.
- Перевозчиков В.И.**, 1993. Гончарный комплекс XIV века в котловане под дом быта “Юбилейный”// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Вып.11. Азов.
- Перевозчиков В.И.**, 1998. Некоторые данные о поливной керамике Азака// Историко-

- культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Ялта 25-29 мая 1998 года. Тезисы докл. конф. Симферополь.
- Перевозчиков В.И.**, 2001а. Историография местной керамики Азака-Таны// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. Вып.17. Азов.
- Перевозчиков В.И.**, 2001б. История археологического изучения гончарного ремесла Азака-Таны (предварительные данные по топографии и хронологии)// Донская археология. № 1-2 (10-11). Ростов-на-Дону.
- Перевозчиков В.И.**, 2006. Гончарное ремесло золотоордынского Азака. XIV в. (Опыт комплексного исследования технологии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Романчук А.И.**, 2003. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург.
- Романчук А.И., Перевозчиков В.И.**, 1990. Глазурованная керамика из Азова (херсоно-азакские параллели в орнаментике)// Античная древность и средние века: Византия и сопредельный мир. Свердловск.
- Тарутин С.М.**, 2007. Сюжетные композиции в керамике азацкого производства// Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. II Междунар. науч. конф. (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.). Тезисы конференции. Ялта.
- Тесленко И.Б.**, 2005. Производство поливной керамики в крепости Алустан (Крым)// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. К.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М.**, 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища// Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.**, 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища)// Города Поволжья в средние века. М.
- Черная Е.Д.**, 1998. Коллекция поливной керамики Херсонского краеведческого музея// Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Ялта, 25-29 мая 1998 года. Тезисы докл. конф. Симферополь.
- Широченко Э.Б.**, 2010. Археологические исследования в городе Азове в 2008 году// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып.24. Азов.
- Якобсон А.Л.**, 1950. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.)// МИА. № 17.
- Якобсон А.Л.**, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Summary

A.N.Maslovskii (Azov, Russia)

GLAZE POTTERY OF LOCAL MANUFACTURE IN GOLDEN HORDE AZAK. BRIEF OUTLINE

This paper considers glaze pottery – the products of one of the two groups of potters who worked in Azak. This paper has briefly reviewed a history of studying glaze pottery. The data on the location of workshops in the town and the peculiarities of manufacturing technology have been provided. Morphological typology and classification of ornaments found on the local glaze pottery have been presented. The paper is well illustrated. A considerable selection of glaze ware of Azak local manufacture is published for the first time.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2011 г